

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель и правовед
Часть 12.
Процесс Бухарина (2—13 марта 1938 г.)**

Опубликовано:

Журнал «Законодательство».

2021. № 4. С. 87-94. № 5. С. 87-94. № 6. С. 87-94. № 7. С. 87-94.

1

Второй день слушания дела антисоветского право-троцкистского блока Военной коллегией Верховного суда Союза ССР начался с допроса бывшего народного комиссара лесной промышленности СССР В.И. Иванова. Его показания, зафиксированные в стенографической записи, поначалу кажутся неинтересными и малозначимыми. Владимир Иванович полностью признал себя виновным в тяжких государственных преступлениях, причем осудил себя в таких выражениях, как будто сам был обвинителем.

«Подсудимый Иванов, — спросил его председательствующий В.В. Ульрих, — показания, которые вы давали на предварительном следствии о вашей антисоветской деятельности, подтверждаете?»

«Целиком и полностью подтверждаю. Признаю себя ответственным и виновным в совершении тягчайших преступлений», — ответил Иванов. Произнеся эти слова, подсудимый должен был бы замолчать в ожидании следующего вопроса, но Владимир Иванович продолжил каяться: «Я был одним из активных работников группы правых, “право-троцкистского блока”. За эти тягчайшие свои преступления я готов нести любую ответственность, которую советское правосудие найдет нужным на меня наложить, и принять все возможные и зависящие от меня меры, поскольку мои способности к этому позволяют, чтобы разоблачить всю свою предательскую деятельность и вскрыть всю подлость, гнусность и измену всему Советскому Союзу, партии и народу, изменническую, предательскую деятельность «право-троцкистского блока» и группы правых»¹.

Подобным образом подсудимый Иванов отвечал и на другие вопросы, предполагавшие признание им своей вины. Когда зашла речь о его связи с группой «левых коммунистов» в начале 1918 года, Вышинский поинтересовался: «А кто вас вовлек в эту группу?» Иванов эмоционально заявил: «Здесь никто меня не привлекал, по сути дела, потому что самое мое грехопадение и страх, что я могу быть разоблачен при Советской власти, меня толкали и гнали в стан врагов, и я, как ворон, летящий по запаху на

¹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 104.

падаль, вливаюсь во всякие враждебные группы, которые борются с Советской властью»².

Как и другие подсудимые, занимавшие до ареста правительственные должности, Иванов рассказал на допросе о своей вредительской деятельности в народном хозяйстве страны. Не проявляя никаких эмоций, он сообщил суду: «Направление этой деятельности шло по пути срыва технического перевооружения лесного хозяйства, засорения, разрушения механизированных пунктов, срыва сплава. В 1936 году в результате вредительской деятельности нашей правой организации в Северном крае мы недоплавили лесопильным заводам значительное количество кубометров леса. Это обрекло ряд лесопильных заводов на остановку и увеличило голод в нашей стране на лесные материалы, что крепко ударило по капитальному строительству»³. Все это вполне могло быть следствием нарушения трудовой дисциплины, неправильного планирования работ, недостатка финансовых ресурсов, отсутствия квалифицированных специалистов и соответствующей техники, однако Владимир Иванович главной причиной экономических неурядиц назвал свою «диверсионную работу».

Подобным образом вели себя почти все обвиняемые, чьи дела рассматривались в рамках открытых, показательных судебных процессов 1936–1938 годов, и показания бывшего наркома Иванова не заслуживали бы особого внимания, если бы они касались только его персоны. Но Владимир Иванович был на протяжении двух десятилетий связан с Н.И. Бухариным, главным обвиняемым по делу право-троцкистского блока. Возможно, поэтому во все время судебного процесса на скамье подсудимых они сидели рядом, **вопросы к Иванову в зале суда так или**

² Там же. С. 109. В первоначальном тексте стенограммы процесса, поступившей для правки в Политбюро, данный ответ подсудимого Иванова имел следующий вид: «Видите ли, здесь никто меня не привлекал, по сути дела, потому что это самое мое грехопадение и страх, что я могу быть разоблачен при советской власти, он меня толкал и гнал в стан врагов, во вражий стан, и я, как ворон, по нюху, по запаху на падаль летящий, так и я примыкаю и, вливаюсь во всякие враждебные группы. Я искал враждебные силы, которые борются с советской властью». Сравнение этого текста с тем, который был опубликован, показывает, что правка являлась в данном случае исключительно стилиевой.

³ Там же. С. 116.

иначе касались Бухарина, и постепенно допрос Иванова превратился в допрос Бухарина.

Задавая вопросы Иванову, государственный обвинитель не скрывал, что его интересуют только показания подсудимого на Бухарина. Когда Иванов стал рассказывать о своем вступлении в январе 1918 года в группу «левых коммунистов», Вышинский спросил его: «Вы тогда с Бухариным были связаны?» В опубликованной стенограмме процесса после этого вопроса приведен следующий ответ: «Мы были на нескольких совещаниях, потом Бухарин однажды поставил передо мною вопрос о том, что в знак протеста против партии и против линии Ленина нужно выйти из Коммунистической партии и организовать свою партию. Расчет был на то, что это может привести к распаду Коммунистической партии и победе “левых коммунистов”»⁴. Но согласно первоначальной стенографической записи этого эпизода Иванов ответил: «Да, я могу сейчас показать. Я с Бухариным был связан. У меня был разговор один с Бухариным и Минковым — одним из активнейших руководителей “левых коммунистов”». Андрей Януарьевич реагирует на фамилию Минкова репликой: «Сейчас меня интересует Бухарин, поскольку вы сейчас с ним соседи по скамье подсудимых. Как Бухарин привлекал вас к этому делу?» И только после этой фразы, произнесенной Вышинским, Иванов стал говорить: «Мы были на нескольких совещаниях...».

Затем Иванов сообщил, что еще одна примечательная его встреча с Бухариным произошла во время X съезда партии. Бухарин сказал ему тогда, что разошелся с Лениным по коренным вопросам и «сейчас занят подготовкой своих кадров», готовых по первому его, Бухарина, зову «выступить против Ленина». «Это, по-моему, было преддверие к созданию “школки” Бухарина», — заметил Иванов. Вышинский же спросил: «Как Бухарин рассчитывал выступать против Ленина? В каких формах он готовил выступление?» Иванов ответил: «Он был довольно резко настроен. Он просто ждал подходящего момента. Он хотел иметь свои кадры».

- Для чего? — поинтересовался Вышинский.
- Для того, чтобы устранить Ленина.
- Как устранить?
- Вплоть до физических методов.

⁴ Там же. С. 110.

Вышинский отреагировал на это показание довольно спокойно. Назвав «школку» бандой, которую создал Бухарина, он предложил Иванову продолжить свои объяснения.

По словам Иванова, интересный разговор с Бухариным состоялся у него в 1926 году. Бухарин якобы прямо говорил ему тогда, что «нужно готовиться к борьбе в открытом бою с партией», что он и его соратники решили выступить с программой «для консолидации всех недовольных элементов внутри страны» и приступить к подпольной работе «по собиранию кадров, по завлечению в наши сети наиболее влиятельных членов партии. К этому времени очень резко уже складывается озлобление против руководства партии»⁵.

После этого Иванов рассказал о поручении, которое получил в 1928 году при своем назначении на пост второго секретаря Северокавказского крайкома ВКП (б) от Бухарина: он дал Иванову задание создать на Северном Кавказе группу правых, пояснив при этом, что правые должны возглавить соответствующее крестьянское движение, особенно внутри казачества, против Советской власти и превратить Северный Кавказ в «русскую Вандею»⁶.

Стенографическая запись показывает, что государственный обвинитель вел допрос Иванова весьма энергично, направляя показания подсудимого таким образом, чтобы получить от него сведения, подтверждавшие выдвинутое против Бухарина обвинение в попытке захвата власти с помощью вооруженной помощи иностранных агрессоров.

В начале апреля 1931 года Иванов был переведен на пост первого секретаря Северного крайкома ВКП (б). Сообщив об этом на допросе, Владимир Иванович заявил: «В 1931 – 1932 годах у правых вопрос о захвате власти считался предрешенным. Так, по крайней мере, мы считали». Отвечая на последовавший тут же вопрос Вышинского: «Что значит предрешенным?», он пояснил: «Трудности роста, которые переживала страна, мы принимали за кризис социалистического хозяйства, озлобление кулачества мы принимали за рост недовольства крестьянских масс и на основе этого считали, что обстановка благоприятствует для захвата власти. Бухарин прямо ставил вопрос о том, что власть прямо прет

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же.

в руки»⁷. Вышинский спросил: «Какие-нибудь меры предпринимал Бухарин и его сообщники для того, чтобы обеспечить успех этого процесса, когда власть прет в руки?» Иванов ответил, что «была дана установка готовить вооруженное восстание». Но Вышинского такой ответ не заинтересовал и о подробностях данной Бухариным «установки» он спрашивать не стал.

«В 1934 году я получил от Бухарина задание», — продолжил свой рассказ Иванов. «Где вы в это время находились?», — спросил Вышинский. «Я находился в том же Северном крае до октября 1936 года», — ответил Иванов. «Какое вы получили задание от Бухарина?» — снова задал вопрос Вышинский. «Следующее, о том, что внутри страны у нас сил нет», — начал отвечать Иванов, но обвинитель прервал его: «Я не спрашиваю вас о том, как он характеризовал положение. «Без этого я не могу сформулировать...», — возразил подсудимый». «Я спрашиваю, какое задание давал Бухарин» — повторил Вышинский. И подсудимый ответил так, как и хотелось обвинителю: «Бухарин дал задание — силами правых организаций приступить к подготовке поражения Советской власти при интервенции, при войне с капиталистическими фашистскими государствами». «Вот теперь я слышу прямой ответ», — поощрительно произнес Вышинский и добавил твердым голосом: «Успеете еще рассказать то, что вы захотите, но сейчас я веду допрос и я ставлю те вопросы, которые интересуют суд. В 1934 году Бухарин дает установку на подготовку в благоприятных условиях поражения Советской власти, в случае нападения интервентов?»⁸ «Да, — подтвердил Иванов, — и рекомендует следующую систему мероприятий: во-первых, перейти к организации повстанческих групп так и таким образом, чтобы они могли во время войны перерезать коммуникационные связи в Северном крае, так как Архангельск и Северный край...». «"Так как" мы не будем говорить — мы понимаем, для чего это должно было быть сделано»⁹, — прервал его Вышинский и задал вопрос об указаниях Бухарина «насчет шпионажа». Когда Иванов ответил на него, последовал вопрос о террористических замыслах Бухарина. Иванов сообщил, что после выстрела в Кирова

⁷ Там же. С. 112.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ Там же.

Бухарин сказал: «Одиночные террористические акты результатов не дают» и дал установку «на то, чтобы ликвидировать руководство партии». По свидетельству Иванова, Бухарин надеялся, что если это будет сделано до войны, то немедленно вспыхнет война с Советским Союзом, а если же почему-либо такие акты совершить до войны не удастся, то правые сделают это во время войны, что «внесет большое смятение, подорвет обороноспособность страны и будет резко содействовать поражению Советской власти в войне с империалистами»¹⁰.

Завершая рассказ о Бухарине, Иванов признался, что последняя его встреча с вождем правых состоялась в начале 1937 года, причем разговор был коротким, поскольку уже существовала большая настороженность. «Деятельность правых, — сказал он, — была, по сути дела, накануне коренного разоблачения. В этом разговоре, в частности, был поставлен мною вопрос: а где же интервенция, где же нападение на Советский Союз? Бухарин меня информировал, что принимаются меры, чтобы обязательно побудить в 1937 году к выступлению фашистские страны — и Японию и Германию — и что на это шансы есть»¹¹.

Бухарин, явно встревоженный этим сообщением Иванова, спросил его, в каких месяцах 1937 года они встречались. «Это было, может быть, в январе или в феврале», — ответил Иванов. Бухарин промолчал.

После этого был объявлен перерыв на 20 минут. Когда процесс возобновился, председательствующий обратился к Вышинскому: «Товарищ прокурор, есть у вас вопросы к Иванову?» «У меня есть к Бухарину», — ответил Вышинский.

Вопросы государственного обвинителя к Бухарину были короткими. Вышинский напоминал ему о показаниях Иванова и спрашивал: «Вы это подтверждаете?». Бухарин подтвердил все сказанное о нем Ивановым, указав лишь на некоторую путаницу в датах. «Я утверждаю, что в 1928 году не было речи относительно повстанческой ориентации вообще», — заявил он, обращаясь к суду. «А в 1929 году?» — спросил Вышинский. «Фиксация вопроса относительно повстанческих организаций, которая была апробирована правым центром, была впервые указана в так называемой рютинской платформе», — ответил Бухарин. «Значит, вы

¹⁰ Там же. С. 115–116.

¹¹ Там же. С. 118.

утверждаете, что вопрос о повстанческих отрядах ставится только в 1932 году?» — подытожил Вышинский. «Вопрос о повстанческой ориентации стал в 1932 году»¹², — согласился Николай Иванович.

Бухарин не стал отрицать показания Иванова о связях правых с английской разведкой, но заявил, что сам он относительно этих планов «совершенно не был в курсе дела»¹³. Вышинский удовлетворился тем, что вождь правых подтвердил показания Иванова, которых он как обвинитель считал главными и настойчиво стремился получить. «Я посвятил Иванова во внешне-политическую ориентацию правого центра, — рассказывал Бухарин, — я говорил ему относительно того, что в борьбе против Советской власти можно использовать военную конъюнктуру и целый ряд других вещей. Одним словом, я был обязан, как один из руководителей правого центра, доложить одному из руководителей периферийного центра нашу установку. В чем заключалась эта установка? Коротко, эта установка заключалась в том, что в борьбе с Советской властью возможно использование военной конъюнктуры и тех или иных уступок капиталистическим государствам для их нейтрализации, а иногда и для помощи с их стороны»¹⁴.

«Иначе говоря, ориентация на помощь некоторых иностранных государств?» — задал уточняющий вопрос Вышинский. «Да, можно и так сказать», — ответил Бухарин. «Иначе говоря, ориентация на поражение СССР?» — еще раз спросил Вышинский. «В общем, суммарно, повторяю — да», — согласился Бухарин.

Новых вопросов к Иванову и Бухарину от государственного обвинителя не последовало, и председательствующий решил завершить их допрос. Бухарин попросил дать ему слово, чтобы «сказать парочку слов относительно теоретических экскурсов», но председательствующий возразил: «Нет, это при вашем допросе».

Во время допрос подсудимого Иванова, по сути, начался **первый допрос подсудимого Бухарина в зале суда.**

¹² Там же. С. 123.

¹³ Там же. С. 128.

¹⁴ Там же.

Любопытно, что в составленном Вышинским проекте обвинительного заключения¹⁵ показаниям В.И. Иванова на следствии придавалась весьма значимая роль: они приводились для подтверждения обвинения Бухарина и право-троцкистского блока в совершении государственных преступлений¹⁶. Однако в окончательный вариант обвинительного заключения, оглашенный на первом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР по делу антисоветского право-троцкистского блока, ни одно из показаний Иванова не было включено. Между тем допрос Иванова в зале суда, как показывает его полная стенографическая запись, был довольно продолжительным и подробным. Вышинский заставил его рассказать о встречах и разговорах с Бухариным, происходивших на протяжении 20 лет — с января 1918 до января-февраля 1937 года. И подсудимый Иванов безропотно рассказывал, как Бухарин в 1918 году пытался расколоть коммунистическую партию; в 1921 году готовился устранить Ленина, причем не только с политической арены, но и «вплоть до физических методов»; в 1926 году начинал собирать силы для открытой борьбы против ВКП (б); в 1928 году намеревался поднять восстание против Советской

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 330. Л. 114-139.

¹⁶ В этом проекте, в частности, утверждалось:

1) «Помимо Германии и Японии, право-троцкистский блок не пренебрегал возможной помощью со стороны и других буржуазных государств. Так, по показаниям обв[иняемого] Иванова, обв[иняемый] Бухарин говорил ему, что правые смогут осуществить “государственный переворот путем террора, организации повстанческих кадров и при поддержке иностранных интервентов”».

2) «В связи с этим, — показал далее обв[иняемый]. Иванов, — Бухарин разъяснил мне особый интерес, который представляет Северный край для англичан вследствие своих лесных ресурсов. Бухарин предложил мне оказывать англичанам, проводившим торговые операции в Северном крае, известные преимущества, чтобы англичане видели, что мы “авансом” расплачиваемся с ними за их будущие услуги, т.е. за поддержку вооруженным вмешательством нашей контрреволюционной организации при ее приходе к власти...».

3) «Особую активность в деле подстрекательства к организации террористических актов против руководителей партии и правительства проявлял обв[иняемый] Бухарин. По этому поводу обв[иняемый] Иванов показал: “Говоря о терроре, Бухарин заявлял, что, если мы сумеем “ликвидировать”, как он выражался, вождей партии и советской власти до войны, то мы это сделаем, а если же нет, то это надо будет сделать во время войны, что будет очень важно для нашего прихода к власти и будет способствовать поражению СССР в войне”».

4) «Говоря о терроре, Бухарин всегда первым называл Сталина как человека, которого надо устранить раньше всех».

власти на Северном Кавказе, в 1929 году прилагал усилия для создания блока правых с троцкистами и зиновьевцами; в 1931 году призывал наладить контакты с английской разведкой, в 1934 году давал установки своим сторонникам на подготовку «поражения Советской власти при интервенции» и призывал с этой целью развернуть «вредительскую работу и организовать террористические группы», в 1935 году ставил задачу подготовить ликвидацию всего руководства ВКП (б) во главе со Сталиным; в 1936 году принимал меры к тому, чтобы «обязательно побудить в 1937 году к выступлению фашистские страны — и Японию и Германию».

С юридической точки зрения все эти показания Иванова на Бухарина, дававшиеся им следователям НКВД и судьям, имели небольшую ценность. Подтверждались они лишь самим Бухариным. Да и сообщалось в них в основном только о разговорах, которые вел Бухарин, а не о его действиях. Говорилось о его замыслах, планах, установках, но не о том, как они выполнялись. Неудивительно поэтому, что из окончательного варианта обвинительного заключения эти показания были Вышинским изъяты. В своей обвинительной речи А.Я. Вышинский сослался несколько раз на заявления Иванова, чтобы обосновать обвинение право-троцкистского блока в сотрудничестве с иностранными разведками и введении вредительско-диверсионной работы в народном хозяйстве страны. Но эти заявления не могли считаться полновесными юридическими доказательствами. Так, прокурор СССР напомнил показание Иванова о том, что «иногда участники блока не различали, где действуют правые, а где действует иностранная разведка, до такой степени все у них переплелось»¹⁷. Но что дало подсудимому основание оценивать состав правой оппозиции подобным образом, он не сообщил.

В вынесенном ранним утром 13 марта 1938 года приговоре Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу антисоветского право-троцкистского блока, говорилось: «Иванов по заданию Бухарина проводил вредительско-диверсионную деятельность в лесном хозяйстве Северного края»¹⁸, но сам факт этого преступления по-настоящему доказан не был.

¹⁷ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 583.

¹⁸ Там же. С. 704.

Почему же государственный обвинитель так долго и детально допрашивал подсудимого Иванова, если его показания настоящей юридической ценности не имели? Очевидно, что главная их ценность виделась в другом, и нетрудно догадаться в чем конкретно. Показания Иванова выставляли Бухарина в чрезвычайно неблагоприятном свете в глазах советского народа. Бывший большевистский вождь, не отличавшийся организаторскими талантами, но обладавший весомым авторитетом в среде партийной массы, представал хитрым, коварным политиком, способным ради прихода к власти пойти на соглашение с врагами своей страны, использовать для достижения своих целей иностранную агрессию против Советского государства, добиваться поражения своего отечества в войне с внешними врагами.

Кроме того, сама личность подсудимого Иванова дискредитировала Бухарина и организацию правых в целом. Владимир Иванович объявлял себя соратником Бухарина, активным участником правой оппозиции, что признавал и сам Бухарин. Но на предварительном следствии Иванов признался в том, что с конца 1911 года и вплоть до революции 1917 года являлся платным агентом царской охранки. Это было подтверждено на допросе в зале суда и отражено в обвинительном заключении.

Таким образом, из показаний Иванова следовало, что соратником Бухарина был не сознательный революционер-большевик, отдававший все свои силы революционной деятельности, а, напротив, активный борец с революционным движением, сотрудничавший с полицией. Важность показаний подсудимого Иванова заключалась помимо прочего еще и в этом обстоятельстве.

В обвинительном заключении факту службы некоторых участников правой оппозиции в царской охранке придавалось большое значение: «Соглашение «право-троцкистского блока» с иностранными разведками также облегчалось и тем, что некоторые из обвиняемых по настоящему делу заговорщиков являлись провокаторами и агентами царской охранки... Обвиняемый Иванов свою провокаторскую деятельность начал с 1911 года, когда был завербован тульской охранкой и стал агентом охранки под кличкой “Самарин”»¹⁹.

¹⁹ Там же. С. 13.

И на суде Вышинский особое внимание обращал на факт службы Иванова в царской охранке. В частности, обращаясь к Иванову, он сказал: «Вы говорили о вашем революционном воспитании. Воспитание у вас совершенно определенное. Начали вы свое политическое воспитание под руководством ротмистра тульской охранки Маматказина, а закончили — под руководством Бухарина и Рыкова. Так я вас понимаю?»²⁰. «Правильно», — услышал он в ответ.

Иванов рассказывал на суде, как Бухарин на протяжении двадцати лет периодически встречался с ним, поверяя свои самые тайные замыслы, поручая выполнение самых важных секретных заданий. Не только у профессионального юриста, но и у простого обывателя вполне мог возникнуть вопрос: как такое могло быть? И почему бывший большевистский вождь не опасался разоблачения? Признание Иванова в том, что он являлся платным агентом царской охранки, давало вполне убедительный ответ на этот вопрос.

Платным агентом царской охранки признал себя на следствии и в суде также бывший заместитель наркома земледелия РСФСР П.Т. Зубарев²¹. Его допрос состоялся сразу после допроса В.И. Иванова, но по сравнению с ним оказался намного короче. Судя по вопросам, которые задавались Зубареву во время допроса в зале суда, его показаниями стремились подкрепить обвинение А.И. Рыкова.

Вышинский спрашивал Зубарева о том, когда началась его связь с Рыковым, о чем они беседовали, какие задачи ставил Рыков. Зубарев подробно отвечал. Он сообщил, что его знакомство с Рыковым произошло весной 1930 года во время партийной конференции в Свердловске, тогда же состоялась их довольно длительная беседа о подготовке кадров и объединении распыленных сил в правой оппозиции, о состоянии страны.

По свидетельству Зубарева, Рыков охарактеризовал состояние, как «чрезвычайно напряженное» и сообщил, что «на почве массовой

²⁰ Там же. С. 108.

²¹ На допросе в НКВД 29 октября 1937 г. П.Т. Зубарев признал, что являлся «агентом в царской охранке и провокатором в большевистской партии с 1908 по 1916 год и предавал интересы рабочего класса и трудящихся». В обвинительном заключении о нем приводилась следующая информация: «Обвиняемый Зубарев был завербован царской полицией в 1908 году и сотрудничал в ней под кличками “Василий”, “Палин” и “Прохор”» (Там же. С 13).

коллективизации, на почве раскулачивания и на почве применения административных мер начинаются в целом ряде районов стихийные вооруженные восстания, что политика раскулачивания захватывала не только иногда кулацкую верхушку, но и некоторые середняцкие зажиточные слои деревни, и что эта величайшая драма в деревне создала и враждебное отношение к политике партии»²². Кроме того, Рыков якобы сказал Зубареву, что необходимо воспользоваться ситуацией «для разжигания недовольства в деревне» и поставил перед ним задачи, которые можно свести к трем основным моментам:

«Первый момент. Вредительская работа в деревне: срыв посевной кампании путем несвоевременной выдачи и подвоза семенного материала, понижения его качества; это будет, естественно, озлоблять население; с другой стороны, меры, противоречащие укреплению колхозов, направленные к тому, чтобы возбуждать недовольство крестьянского населения»²³.

«Второй момент. Это возбуждение населения путем различного рода провокационных мер — неправильная организация снабжения основными продуктами питания и особенно неправильная организация общественного питания»²⁴.

«Третий момент. Консолидация всех элементов, враждебно настроенных к Советской власти, блокирование с существующими тоже на Урале организациями, в частности, с троцкистскими, зиновьевскими и эсеровскими; нам было подчеркнуто, что, надо, не теряя своей самостоятельности, снестись с ними и организовать связь и контакт»²⁵.

«Что вы можете сказать по этой части показаний подсудимого Зубарева? — спросил Вышинский Рыкова. — Вы подтверждаете встречу?» «Да», — ответил Рыков. «А разговоры и поручения?» — снова спросил Вышинский. «Подтверждаю разговоры относительно характеристики мной настроений в тот период в деревне. Я должен был давать и давал также поручения»²⁶, — сообщил Рыков.

²² Там же. С. 130.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 130–131.

²⁵ Там же. С. 131.

²⁶ Там же. С. 131.

Любопытно, что на предварительном следствии Зубарев при описании своей преступной деятельности не упоминал ни о Рыкове, ни о постановке им каких-либо задач борьбы с Советской властью²⁷.

Приведенные факты наводят на мысль о том, что бывший заместитель наркома земледелия РСФСР П.Т. Зубарев был включен в состав участников судебного спектакля по делу антисоветского право-троцкистского блока для того, чтобы сыграть в отношении А.И. Рыкова такую же роль, какую надлежало играть относительно Н.И. Бухарина бывшему наркому лесной промышленности СССР В.И. Иванову. Оба они должны были не только **разоблачить** вождей правой оппозиции, но и **развенчать** бывших кумиров, изменить общественное мнение о них.

* * *

На вечернем заседании суда 3 марта 1938 года сначала был допрошен Н.Н. Крестинский. Процедура заняла совсем немного времени. Николай Николаевич целиком и полностью признал себя виновным по всем предъявленным ему обвинениям, и после этого Вышинский сказал, что у него нет больше вопросов к подсудимому Крестинскому. Председательствующий объявил о переходе к допросу подсудимого Рыкова.

Все, что происходило на процессе до этого момента, являлось лишь введением в данный процесс. С допроса А.И. Рыкова началась его основная

²⁷ Во время допроса, проведенного 29 октября 1937 г., П.Т. Зубарев говорил: «Я признаю себя виновным в том, что: 1. Состоя членом антисоветской организации правых с 1929 г. по день ареста, я вел активную борьбу с коммунистической партией и советским государством всеми доступными мне методами, добиваясь свержения советского строя и реставрации капитализма в нашей стране. 2. В этих целях я проводил вербовочную работу в Москве, на Урале по вовлечению новых участников в контрреволюционную организацию, способных активно бороться с советской властью. 3. Являлся одним из руководителей и членом антисоветской организации правых в Москве, одним из активных организаторов и руководителей контрреволюционной организации на Урале. 4. Являлся одним из руководителей к[онтр]-р[еволюционной] вредительской подрывной работы в сельском хозяйстве, осуществлявшейся антисоветской организацией правых в «Семеноводобъединении», в НКЗеме РСФСР и на Урале. 5. Проводил шпионскую работу в пользу фашистской Германии, став изменником родины. 6. Являлся одним из активных руководителей террористической группы антисоветской организации правых в НКЗ РСФСР, ставившей своей задачей совершение террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства» (Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 419–420).

часть. Перед судьями предстал человек, который после смерти В.И. Ленина почти семь лет занимал пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР²⁸. Вышинский начал допрашивать политика, который вместе с Н.И. Бухариным и М.П. Томским составлял руководство правой оппозиции в Советском государстве.

2

Стенографическая запись допроса подсудимого А.И. Рыкова государственным обвинителем Вышинским при подготовке ее к опубликованию подверглась в основном стилистической правке, и этот факт заставляет особенно внимательно отнестись к данному тексту. Есть основания полагать, что в целом он неискаженно отражает то, что говорилось на вечернем заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 3 марта 1938 года.

Алексей Иванович принадлежал к вождям правой оппозиции и знал, если не все, то почти все тайны политической деятельности этой весьма влиятельной группировки в правящем слое Советского государства. На допросе он показал себя словоохотливым человеком: без какого-либо стеснения рассказывал о таких действиях вождей правых и связанных с ними военачальников, которые по уголовному законодательству любого государства считаются самыми тяжкими преступлениями.

Стенографическая запись допроса Рыкова интересна также тем, что предельно обнажает технологию ведения допроса главных подсудимых, которую прокурор СССР А.Я. Вышинский применял в рамках показательных, открытых судебных процессов над бывшими большевистскими вождями.

А.И. Рыков был одним из самых известных государственных деятелей Советского Союза. Поэтому государственный обвинитель не предложил ему, как другим подсудимым, сообщить о себе краткие биографические сведения, а сразу задал вопросы по существу обвинения: «Подсудимый Рыков, скажите, когда началась ваша подпольная заговорщическая деятельность против Советского правительства?». «Она началась с 1928 года», — ответил Рыков. «Скажите, в чем выражалась в это время ваша антисоветская деятельность, какие непосредственно ставили организационные задачи,

²⁸ Со 2 февраля 1924 г. по 19 декабря 1930 г.

какие вы преследовали цели?»²⁹ — снова спросил обвинитель. «В этот период, с 1928 по 1930 годы...», — начал Рыков. «И в последующее время», — прервал его уточняющим замечанием Вышинский. «Я боролся активно против всей политики партии и Советского правительства и, главным образом, против политики партии в отношении к крестьянству. Эта деятельность выразилась в моих, что называется, легальных выступлениях»³⁰. Алексей Иванович напомнил, что занимал в то время пост председателя СНК и мог выступать публично на вполне законных основаниях.

«Какие у вас были отношения в 1928—1929 годах с Ягодой?» — задал новый вопрос обвинитель. «В отношениях с Ягодой все было нелегально. — сообщил Рыков. — У нас уже в этот период, наряду с легальной частью, то есть той группой членов контрреволюционной организации правых, которая выступала легально, существовали кадры, которые были специально законспирированы в целях организации дальнейшей борьбы с партией. К этим людям, в частности, принадлежал Ягода, с которым я был в этот период и перед тем связан лично, от которого я получал специально подобранную информацию, которую я использовал для своих выступлений против политики партии в деревне»³¹. Далее Рыков сообщил, что Ягода обязался «оберегать подпольную организацию правых, используя свое служебное положение».

Вышинский спросил Ягodu: «Вы подтверждаете эту часть показаний Рыкова?» «Факт подтверждаю, редакцию нет», — ответил подсудимый. В указанное время Генрих Григорьевич Ягода был заместителем председателя Объединенного Государственного Политического управления при СНК СССР. В задачи этой организации входил сбор данных о политических настроениях, преобладавших в различных группах населения и в том числе среди крестьян. Сводки таких сведений, справки о неурядицах и происшествиях, общие обзоры политического состояния

²⁹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2-13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 146.

³⁰ Там же. С. 147.

³¹ Там же.

страны и т.п. регулярно передавались в Политбюро³², иногда за подписью Г.Г. Ягоды. Однако А.И. Рыков как глава Правительства и член Политбюро имел доступ к секретной информации о положении в стране и для ее получения не нуждался в содействии Ягоды. Не было подкреплено конкретными фактами и утверждение Рыкова о том, что Ягода обещал не репрессировать членов подпольной организации правых, хотя вполне возможно, что такое обещание действительно давалось.

Во время допроса Рыкова Вышинский дал ему возможность рассказать о деятельности правой оппозиции, и прежде всего ее руководителей, с множеством подробностей. Удивительно, что Алексей Иванович в своих показаниях почти не отклонился от основных тем выдвинутого против него обвинения, а в ряде случаев как будто даже подсказал, какие вопросы должен задать ему государственный обвинитель.

Завершая рассказ о дискуссиях, которые велись в руководстве правой оппозиции в 1930–1933 годах, Рыков счел необходимым заметить: «В этот же период сформулировались взгляды правых и по вопросу о терроре». «О терроре, да?» — переспросил Вышинский. Рыков ответил, что точное время возникновения террористических настроений в среде правого уклона трудно установить, но их нарастание началось еще до 1930 года. «Приблизительно в 1932 году, — сообщил он, — оформилось наше положительное отношение к применению террора как метода борьбы за власть, причем это нашло свое выражение и на практике. Я не представляю себе теоретического террора. Когда люди говорят о терроре, то это чисто практическая вещь. Нельзя заниматься теорией террора без практики. Как только были приняты установки, сейчас же начались соответствующие организационные и практические выводы из этого, то есть создался целый ряд террористических групп... Мы не выносили решения ни одного раза о том, что должен быть убит тот или иной член правительства. Такого решения центра организации правых не было вынесено, но работа заключалась в том, чтобы подготовить такое отношение к террору и такое состояние

³² См.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сборник документов в 10 томах. М., 2001–2017.

террористических кадров, что когда центр такое решение вынесет, чтобы это решение было бы приведено в исполнение»³³.

Освещая деятельность правой оппозиции в 1933–1934 годах, Рыков отметил, что с ликвидацией в эти годы кулачества правые потеряли свою последнюю социальную базу и поэтому приступили к созданию «исключительно заговорщического типа организаций» для ведения борьбы против партии и правительства путем «самых острых методов» и, в частности, для подготовки «дворцового переворота»³⁴.

Вышинский слушал эти показания молча, но Рыков и без его вопросов понял, что о создании заговорщической организации надо рассказать подробнее. «Был создан центр для этой задачи, — сообщил он, — с привлечением туда троцкистов и зиновьевцев: Каменева, Пятакова, затем Енукидзе, туда вошли также я, Бухарин и Томский. Мы должны были скомпактовать все силы вокруг этого центра. Причем с этим центром была связана военная группа Тухачевского и группа Ягоды»³⁵.

Согласно показаниям Рыкова, упомянутый центр вынашивал план совершить переворот еще в 1934 году, во время XVII съезда ВКП (б), однако отказался от его реализации по причине отсутствия в то время в стране «какого-нибудь недовольства». При этом заговорщическая организация распущена не была.

Здесь напрашивался вопрос, чем же после этого занялись заговорщики, но Вышинский его не задал. Тем не менее Рыков ответил на этот вопрос: схему своих показаний он построил на основе обвинительного заключения. «В связи с этим же необходимо, — сказал он, — перейти к первому абзацу обвинительного акта — ставка на поражение и помощь международной буржуазии»³⁶. И далее Рыков сообщил, что Томский убедил его и Бухарина, что для прихода к власти правым ничего не остается делать, как заручиться поддержкой германского правительства. Переговоры с немцами вел Карахан. Он сообщил, что немецкие фашисты отнеслись «с

³³ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 157.

³⁴ Там же. С. 163. В первоначальном варианте стенографической записи допроса Рыкова, поступившей для правки в Политбюро, говорилось о подготовке «кремлевского» переворота. Сталин заменил это определение на слово «дворцового».

³⁵ Там же. С. 164.

³⁶ Там же.

полным благожелательством к возможности прихода власти правых и всячески будут это приветствовать», что они дали согласие в случае войны против Советского Союза сотрудничать с правыми, но лишь «при определенных уступках хозяйственного порядка в виде концессий, льгот по внешней торговле и так далее»³⁷, а также при условии предоставления национальным республикам права «свободного выделения из системы Союза»³⁸.

В этот момент Вышинский вдруг прервал свое молчание.

— Что это значит по существу? — спросил он.

— Это означает, то, что от СССР отходят крупнейшие национальные республики, из национальных республик они пытаются сделать смежные с ними территории, которые сделают своими вассалами и тем самым получат возможность нападения на оставшуюся часть Союза. Они приближаются таким образом к сердцу СССР, им облегчается возможность ведения с их стороны победоносной войны с СССР.

— Вы изображаете дело так, как будто вы сделали просто жертвой фашистских планов.

— Нет. Но во всех вожделениях наших мы не были людьми, идущими до конца в отношении фашизма, мы все-таки ограничивали сговор определенными уступками, но мы являлись орудием в том смысле, что этот сговор, то, что приводило к этому сговору, все это облегчало фашизму возможность аннулировать его³⁹.

Рыков пытался убедить Вышинского, что не только немецкие фашисты хотели использовать правую оппозицию для достижения победы над СССР, но и правые хотели использовать немцев в своих целях, что никаким орудием фашистов правые не сделали, но лишь вступили с ними в переговоры. Вышинский сразу понял, к чему клонил Рыков.

— Но ваши планы сводились к тому, чтобы захватить власть ценой измены? — возразил он.

— Знаете, измена измене рознь, — заспорил с ним Рыков.

³⁷ Там же. С. 165.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 165.

Вышинский спорить не стал и на удивление мягко сказал: «Продолжайте, пожалуйста, дальше»⁴⁰.

И Рыков продолжил. Следующие его показания относились к теме создания правыми единого блока с троцкистами и зиновьевцами. Вышинский придал этим показаниям особое значение и постарался получить их подтверждение у целого ряда подсудимых: Бухарина, Шаранговича, Ходжаева, Икрамова, Гринько. С вопросом по этой теме он обратился и к подсудимому Крестинскому: «Вам известно о том, что троцкисты входили в “право-троцкистский блок”, о котором здесь идет речь?» Крестинский ответил, сославшись на человека, который ничего подтвердить не мог, поскольку был расстрелян. «Мне известно со слов Пятакова, когда он говорил со мной об этом в феврале 1935 года, — сказал Николай Николаевич, — что образовалась организация, объединяющая правых, троцкистов и военных и имеющая своей целью подготовку военного переворота. Мне было также известно, что в состав руководящего центра входят от правых — Рыков, Бухарин, Рудзутак и Ягода, от военных — Тухачевский и Гамарник, от троцкистов — Пятаков»⁴¹.

Безусловно, ссылки на слова людей, которых к тому времени уже не было в живых, сами по себе не добавляли достоверности показаниям Рыкова и Крестинского. Не могли считаться сами по себе достоверными показания и других подсудимых. Но это не значит, что все говорившееся в рамках открытых, показательных судебных процессов 1936–1938 годов и отраженное в стенографических записях являлось ложью, было полностью сфальсифицировано. Подсудимые приводили на допросах множество подробностей, о которых могли знать только они и которые **придумать было просто невозможно**. И если все, что они говорили в зале суда, оценивать с точки зрения логики и действительно происходивших событий, если при этом сопоставить между собой все свидетельства подсудимых и посмотреть на них с точки зрения общей картины ожесточенной политической борьбы, которая шла в 1930-е годы между различными группировками в правящем слое Советского государства, то

⁴⁰ Там же. С. 166. При подготовке текста стенограммы для опубликования слово «пожалуйста», имевшееся в первоначальной стенографической записи, было удалено. Возможно, самим Вышинским, а не Сталиным.

⁴¹ Там же. С. 170.

нельзя не прийти к выводу о том, что зафиксированные в стенограмме процесса показания подсудимых **вполне правдоподобны**.

Вышинский вел допросы подсудимых таким образом, чтобы они в своих рассказах не отклонялись от главной тематики выдвинутого против них обвинения. И вместе с тем умело подобранными вопросами старался побудить их к раскрытию таких подробностей своей оппозиционной деятельности, которые придавали достоверность их показаниям.

Получив от подсудимых подтверждения показаниям Рыкова о формировании блока правых и троцкистов, Вышинский предложил ему продолжить свой рассказ. И Алексей Иванович снова начал говорить: «Главнейшей темой, если считать, что все другие вопросы до некоторой степени уже исчерпаны, является вопрос национальных республик». Но Вышинский прервал его словами: «Мы в дальнейшем будем специально допрашивать Шаранговича, Ходжаева и других, тогда поговорим об этом подробнее». «Из крупных тем осталась как раз тема национальных республик», — попытался настоять на своем Рыков. Однако Вышинский проявил настойчивость: «Я хочу задать некоторые вопросы в связи с вопросом о “блоке” и его методах преступной деятельности. Линия на поражение разделялась и вами, и Бухариным или же у Бухарина была на этот счет особая точка зрения?»

Рыков пытался ответить уклончиво, но не удержался и привел подробность, которую, кажется, и хотел услышать от него Вышинский. «Мы точных формулировок не давали, — ответил Рыков, — но во всяком случае я не знаю о существовавших разногласиях по этому поводу. Помню, что однажды Бухарин в моем присутствии формулировал вопрос об открытии фронта»⁴². «Может быть, вы более подробно расскажете об этом», — оживился государственный обвинитель. «Здесь достаточно перечислить ряд фактов, — ответил Рыков. — Существование военной группы во главе с Тухачевским, которая **была связана с нашим центром**⁴³ и которая ставила своей целью использование войны для низвержения правительства. Это подготовка самой настоящей интервенции. Наши сношения с немцами,

⁴² Там же. С. 171.

⁴³ Выделенные слова «**была связана с нашим центром**» появились в стенограмме процесса после ее правки в Политбюро. Эта вставка являлась смысловой, но Рыков и сам в других своих показаниях неоднократно говорил о связи группы Тухачевского с руководителями правой оппозиции.

которые мы всячески усиливали, должны были всячески стимулировать военное нападение, поскольку здесь заговорщическая организация вступала в изменнические отношения с ними»⁴⁴.

Для подтверждения этого показания Рыкова Вышинский обратился к Бухарину: «Был ли у вас разговор с Рыковым и Томским относительно открытия фронта?». «Был, не с Рыковым, а с Томским», — ответил Бухарин. Признав, что Томский высказывал идею об открытии немецким войскам фронта в случае нападения Германии на СССР, Бухарин попытался от этой идеи откреститься: «Томский рассказал, что его мнение такое, а я против этого возражал»⁴⁵. Но Вышинского такой ответ не устроил.

— Подождите, как вы возражали, мы еще посмотрим. Мы хотим с вами выяснить, что было в действительности. Значит, Томский вам говорил, что нужно или что целесообразно открыть фронт?

— Да, он склонялся к этому мнению, — ответил Бухарин.

— Что целесообразно открытие фронта немцам в случае войны?

— Да, в случае войны.

— А как открыть фронт, кто с вами об этом говорил?⁴⁶

Вышинский знал из протоколов допросов Рыкова и Бухарина во время предварительного следствия, что идея открытия фронта германским агрессорам в случае их нападения на Советский Союз Томским была лишь высказана, а родилась она в группе военных заговорщиков, объединившихся вокруг Тухачевского. Обвинитель лишь добивался, чтобы Бухарин публично признал данный факт. Бухарин сделал это и, более того, назвал упоминавшиеся Томским при разговоре об открытии фронта имена предателей военачальников — Тухачевского и Корка, добавив, что такую же идею высказывали и троцкисты. Вышинскому оставалось лишь уточнить некоторые детали:

— Входили Тухачевский и военная группа заговорщиков в ваш блок?

— Входили, — ответил Бухарин.

— Когда члены блока разговаривают о таких вещах, то можно говорить, что это — план.

— Становится планом, когда ставится точка над «и».

⁴⁴ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 171.

⁴⁵ Там же. С 173.

⁴⁶ Там же.

- Можно ли сказать, что Томский поставил точки над «и»?
- Совершенно правильно.
- Значит, это установлено. А вы были против этого?
- Да, я был против⁴⁷.

Проведя этот диалог с Бухариным, Вышинский снова обратился к Рыкову: «А ваше мнение, подсудимый Рыков? Можно сказать, что Бухарин стоял на точке зрения поражения СССР?». «Я только хочу изложить факт, который был в моем присутствии», – ответил Рыков и, повернувшись к Бухарину, добавил: «Я от тебя услышал в первый раз термин “открытие фронта”».

«А что вы именно услышали?» – вмешался Вышинский. В ответ на этот вопрос Рыков сообщил подробность, которая позволяет считать, что разговоры среди заговорщиков о возможности открытия фронта – как ни печально – скорей всего, действительно имели место. Глядя на Бухарина, Алексей Иванович сказал: «Может быть, это было продолжением предыдущей дискуссии или обсуждения с Томским, – я это отнюдь не исключаю, но мы были втроем – я, ты и Томский, и тогда ты высказал такого рода мысль, что в случае открытия фронта необходимо, во избежание захвата власти военными, принять определенные меры против военной диктатуры»⁴⁸.

Умело поставленными вопросами Вышинский заставил Рыкова сообщить очень значимую для оценки поведения Бухарина деталь. Но самое интересное в этом эпизоде заключается в том, что главный вывод из этого факта, позволяющий оценить подлинное отношение Бухарина к идее заговорщиков прийти к власти путем открытия фронта врагу и использования для этого вражеских сил, сформулировал не Вышинский, которому как государственному обвинителю надлежало это сделать, а обвиняемый Рыков.

Услышав от Рыкова, что Бухарин говорил о необходимости в случае открытия фронта принять определенные меры против захвата власти военачальниками военной диктатуры, Вышинский спросил Бухарина: «Правильно это?». «Это правильно», – подтвердил Бухарин. Получив

⁴⁷ Там же. С. 173–174.

⁴⁸ Там же. С. 174.

ожидаемый ответ, Андрей Януарьевич снова обратился к Рыкову: «Словом, вы опасались, что Тухачевский возомнит себя Наполеоном?»»

Он, кажется, намеренно поставил вопрос таким образом, чтобы Рыков стал оправдываться. Алексея Ивановича явно смутило то, что опасение установления военной диктатуры при открытии фронта врагу государственный обвинитель приписал и ему. И стремясь отвести от себя всякое подозрение в том, что он поддерживал идею открытия фронта врагу, он стал обвинять своего соратника по оппозиционной борьбе: «Я излагал то, что сказал Бухарин. — ответил Рыков Вышинскому. — Вот это я в первый раз тогда услышал термин “открытие фронта”. Я говорю: услышал его в этом изложении Бухарина и поэтому в своих показаниях сказал: до этого я не слышал, я не встречался с этой идеей и не говорил об этом с Томским. Я говорил, что Бухарин занимал крайнюю позицию в этом отношении, потому что впервые я услышал слова “открытие фронта” от Бухарина и именно в той концепции, которую я изложил сейчас. Когда он излагал, он вовсе не говорил, что есть какие-то мерзавцы, которые хотят открыть фронт, и прочие такие вещи, этого не было»⁴⁹.

«А как, Бухарин был за это?» — задал уточняющий вопрос Вышинский. Рыков пояснил: «Он излагал это спокойно: в случае открытия фронта, то есть во избежание такой опасности, нужно то-то и то-то. Но если человек ставит вопрос, что нужно предпринять для избежания определенной опасности какие-то меры, то он об этом говорит только в том случае, если осуществление самой меры считает возможным»⁵⁰.

Вышинскому ничего не оставалось делать, как похвалить подсудимого. «Правильно», — сказал он Рыкову. Алексей Иванович воспрянул духом: «Поэтому я вынес впечатление, что Бухарин относится во всяком случае допустимо к этому». «Правильно», — повторил Вышинский. «По-моему, иначе понимать и толковать это нельзя», — добавил Рыков.

«Можно вас так спросить: была ли в этом вопросе у Бухарина пораженческая линия?»⁵¹ — задал новый вопрос Вышинский. «Это слишком элементарно», — ответил Рыков. Он явно не желал говорить против

⁴⁹ Там же. Это показание Рыкова не подверглось ни малейшей правки при подготовке стенограммы процесса к печати.

⁵⁰ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 174.

⁵¹ Там же.

Бухарина больше, чем сказал. Но Вышинский, превратив подсудимого в обвинителя, хотел получить от него максимум показаний, подтверждавших выдвинутое против Бухарина обвинение. Поэтому еще раз спросил Рыкова: «Можно сказать, что Бухарин стоял на точке зрения поражения СССР?». Рыков снова попытался уклониться от прямого ответа: «Зная Бухарина, я бы сказал, что возможно он. не считал это единственным, но считал это то, что называется, дискутабельным, в определенных условиях осуществимым». Но Вышинский был настойчив:

— Я не говорю — единственно возможным, а одним из средств — открытие ворот врагу. Правильно?

— Да, но как возможное, но необязательное, — ответил Рыков.

— Понятно, как возможное, но необязательное, то есть не только этим путем шел к своей цели. Это и есть измена?

Здесь Рыков не выдержал напряжения публичного допроса и сказал: «Да». Но Вышинский не успокоился: «Считаете вы Бухарина изменником?». Загнанный обвинителем в угол, Рыков дал ему тот ответ, которого он и ждал: «Таким же изменником, как и себя»⁵².

Вышинский не скрывал: в показаниях Рыкова его больше всего интересовало то, что касалось Бухарина и позволяло выставить бывшего большевистского вождя предателем своего отечества. Поэтому государственный обвинитель и после того, как Рыков твердо заявил, что считает своего соратника (как и себя) изменником, продолжал задавать ему вопросы о предательстве Бухарина. Эти вопросы, как и ответы на них, являлись бессмысленными и не имели большого значения для судебного процесса, в рамках которого обвинитель должен доказать виновность обвиняемого. Но для показательного судебного процесса, которым как раз и являлся проходивший в первой половине марта 1938 года процесс по делу антисоветского право-троцкистского блока, утверждения Рыкова о том, что Бухарин полностью разделял пораженческую позицию правых, что «он крайне положительно отнесся к информации о переговорах с германскими фашистскими кругами»⁵³, были очень важны. Перед государственным обвинителем в данном процессе стояла задача не столько **доказать**, сколько **продемонстрировать** преступность подсудимых. С этой точки зрения

⁵² Там же. С. 175.

⁵³ Там же. С. 175.

показания одного вождя правой оппозиции против другого были лучшим способом достижения указанной цели. Поэтому Вышинский приложил особые усилия, чтобы превратить допрос Рыкова в публичную демонстрацию виновности Бухарина в тяжких преступлениях против своего отечества.

* * *

На утреннем заседании 4 марта 1938 года были проведены допросы бывшего первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии В.Ф. Шаранговича и бывшего председателя Совнаркома Узбекской ССР Ф.Г. Ходжаева. Их показания должны были продемонстрировать тесную связь правой оппозиции, возглавлявшейся Бухариным, Рыковым и Томским с буржуазными националистами Белоруссии и Узбекистана.

В.Ф. Шарангович сообщил на допросе, что в начале 1932 года вступил в состав «национал-фашистской организации», связанной с московским центром правых и действовавшей по директивам «персонально от Рыкова и Бухарина». Основными целями белорусской национал-фашистской организации, по его свидетельству, являлось: «свержение Советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами»⁵⁴. Обо всем этом Шарангович подробно рассказал сам, Вышинский стал задавать ему короткие вопросы только после его добровольного и довольно длительного рассказа о своей преступной деятельности. Уточнения касались в основном проведения бывшим первым секретарем ЦК компартии Белоруссии таких мероприятий в народном хозяйстве республики, которые можно было расценить как вредительство или диверсию.

Ф.Г. Ходжаев по роду своей службы имел встречи и с Рыковым, и с Бухариным. Скорей всего, именно поэтому он и попал в число подсудимых на этом процессе. В своих показаниях Ходжаев рассказал, что примкнул к правым в 1930 году, когда на одном из официальных приемов встретился и поговорил с А.И. Рыковым. Алексей Иванович был с ним предельно откровенен. Советское государство переживало тогда серьезные трудности в экономике, вызванные неудачным проведением политики индустриализации и коллективизации. По свидетельству бывшего председателя правительства Узбекистана, Рыков сообщил ему о

⁵⁴ Там же. С. 185.

критическом положении СССР в связи с коллективизацией и ростом недовольства со стороны населения по причине «безумной» линии, «которую проводит в жизнь Сталинское руководство». Рыков говорил, что если это будет продолжаться, то неминуемо наступит крах, что правые борются поэтому за изменение этой политической линии, «но изменить линию возможно только в результате прихода к власти». По словам Ходжаева, Рыков также говорил ему: «Вы, националисты, тоже, конечно, недовольны этой политикой, но, изолированно действуя, вы не достигнете цели, вот если бы нам объединиться с вами, националистами, есть и другие силы, тогда получилась бы очень большая сила, объединенная сила, тогда мы, конечно, могли бы пойти на то, чтобы изменить это руководство»⁵⁵.

С Бухариным Ходжаев встречался в августе 1936 года, когда тот приезжал в Узбекистан на отдых. В своих показаниях бывший узбекский руководитель довольно подробно рассказал содержание своих разговоров с вождем правой оппозиции. По свидетельству Ходжаева, Бухарин говорил ему, что идет фашизация Германии и всей Европы, и, таким образом, готовится соответствующая обстановка внутри европейских стран для создания европейского блока, или так называемого плацдарма; что «идет подготовка соответствующего соглашения с крупными азиатскими государствами, в частности, с Японией, что возможно соглашение между фашистской Германией и Японией для борьбы с СССР». Из данных фактов Бухарин, по показаниям Ходжаева, делал вывод о том, что «в блоке этих двух фашистских государств, в союзе этих государств, при фашизации Европы, СССР трудно будет выдержать войну и что СССР должен потерпеть поражение в этой войне»⁵⁶.

Ходжаев передал в своих показаниях и те оценки, которые Бухарин давал внутреннему состоянию СССР. По свидетельству Ходжаева, Николай Иванович говорил, в частности, что «коллективизация победила, но все-таки есть значительные слои в деревне, которые не вошли в колхозы, — это единоличники-крестьяне, и их недовольство мы должны учесть. Огромные недостатки внутри колхозов, что колхозы недостаточно укрепились. Хотя индустриализация и победила, но промышленность работает с перебоями, что в промышленности огромные недостатки, что промышленность

⁵⁵ Там же. С. 207.

⁵⁶ Там же. С. 210.

ширпотреба работает еще хуже, что в области товарооборота у нас в стране такие недостатки, которые не могут не привести к огромному дополнительному недовольству населения»⁵⁷.

Подобные показания мало что прибавляли к обвинениям Рыкова и Бухарина. К тому же, в отличие от показаний Рыкова, они не производили впечатления достоверных. Их значение для процесса ограничивались лишь демонстрацией широты заговорщической деятельности правой оппозиции.

* * *

Критические суждения о советской экономике и состоянии Советского государства в целом Бухарин неоднократно высказывал в разговорах с людьми, которым доверял. Аналогичных взглядов придерживались и Рыков с Томским. Судя по всему, именно эти негативные оценки питали надежды правых на их приход к власти. В конце 1920-х и в начале 1930-х годов им всем казалось, а Бухарину твердо верилось, что недовольство населения политикой руководства ВКП (б) потребует замены сталинской группировки на других руководителей. И власть сама упадет в руки публично критиковавших Сталина вождей правой оппозиции. Но к середине 1930-х годов самим этим вождям стало ясно, что без какого-либо мирового потрясения этого никогда не случится.

И тогда они ввязались в авантюру, которая создавала опаснейшую угрозу существованию Советского государства и была чревата величайшими бедствиями для всего советского народа. Некоторые весьма интересные подробности этой авантюры раскрылись на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР по делу антисоветского право-троцкистского блока, которое состоялось вечером 4 марта 1938 года, во время допроса государственным обвинителем Вышинским бывшего народного комиссара внешней торговли СССР А.П. Розенгольца.

3

В этом самом важном для Сталина судебном процессе каждому подсудимому Вышинский назначил свою роль и во время допросов в зале суда бдительно следил за тем, чтобы допрашиваемые не выходили за ее рамки.

⁵⁷ Там же.

А.П. Розенгольц не состоял в правой оппозиции, не общался с Бухариным и не мог дать о нем какие-либо показания, но зато был связан по государственной службе с Троцким и Тухачевским⁵⁸, поддерживал отношения со многими их сторонниками. Не случайно Н.И. Крестинский отметил в своих показаниях: «Розенгольц — человек очень активный, вообще говоря, настойчивый, упорный и человек, у которого большие связи и по его военной работе, и по партийной работе, по фронтовой работе с разнообразными кругами бывших троцкистов и вообще с широкими кругами»⁵⁹.

В 1920–1921 годах Аркадий Павлович поддержал Троцкого в партийной дискуссии о профсоюзах. В 1923 году он подписал в числе 46 советских партийных и государственных деятелей составленное Д.Д. Троцким письмо в Политбюро ЦК ВКП (б), в котором заявлялось: «Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутрипартийными последствиями безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений»⁶⁰. Персона Сталина в письме не упоминалась, но довольно жесткая критика, с которой выступила группа весьма влиятельных в то время большевиков-революционеров касалась прежде всего тех направлений в работе партийного руководства, которые курировал именно Сталин. «Неправильность руководства, парализующую и разлагающую партию,» автор письма объяснял тем, что «под внешней формой официального единства мы на деле имеем односторонний, приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направление действий. В результате искаженного такими узкими расчетами партийного руководства партия в значительной степени перестает быть тем живым самодеятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность, будучи тысячами нитей связанным с этой действительностью. Вместо этого мы

⁵⁸ А.П. Розенгольц являлся членом Революционного военного совета РСФСР⁵⁸ в то время, когда его возглавлял Троцкий, а в 1919 г. входил в состав реввоенсовета 8-й армии и затем 5-й армии, которыми командовал тогда Тухачевский.

⁵⁹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 252.

⁶⁰ В Политбюро ЦК РКП. 15 октября [1923 г.] // Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Из архива Льва Троцкого. В 4-х томах. Т. 1 (1923–1926). Бенсон, 1988. С. 83.

наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и мирян, на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни»⁶¹.

Во время допроса в зале суда 4 марта 1938 года Розенгольц сообщил, что в 1923 году он «подписал так называемую платформу “46”, хотя со значительными оговоренными разногласиями»⁶². На самом деле, ставя свою подпись под этим письмом Троцкого, Аркадий Павлович сделал следующую оговорку: «С предложениями целиком согласен, хотя с некоторыми пунктами мотивировки расхожусь»⁶³. И хотя в 1925 году он открыто выступил против выдвинутой Троцким теории «перманентной революции», избавиться от клейма «троцкиста» ему не удалось.

С 22 ноября 1930-го по 14 июня 1937 года А.П. Розенгольц являлся наркомом внешней торговли СССР и поэтому часто бывал в заграничных командировках⁶⁴, во время которых вполне мог встречаться с Львом Троцким или его сыном — Львом Седовым, а также получать от них письма. На допросе в суде Розенгольц рассказал, что первое письмо от Льва Троцкого он получил через Н.Н. Крестинского в конце 1929 года⁶⁵, а первые его встречи с Львом Седовым состоялись четыре года спустя. «В 1933 году я был за границей, — сообщил бывший нарком внешней торговли, — и в Фельдене в Австрии имел встречу с Седовым, имел с ним несколько продолжительных разговоров вблизи дома, где я жил. Затем я виделся с Седовым в 1934 году в Карлсбаде»⁶⁶.

Подробности, которые Розенгольц привел в этих показаниях, придают его сообщению по меньшей мере правдоподобный характер. Он вспомнил, в частности, что «Седов много говорил о необходимости максимальной, возможно более тесной связи с Тухачевским, поскольку, по

⁶¹ Там же. С. 84.

⁶² Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 222.

⁶³ В Политбюро ЦК РКП. 15 октября [1923 г.]. С. 86.

⁶⁴ С августа 1937 г. и вплоть до своего ареста 7 октября того же года Розенгольц занимал должность начальника Управления государственных резервов при СНК СССР.

⁶⁵ Крестинский уточнил, что это письмо Троцкого он передал Розенгольцу в начале 1930 г.

⁶⁶ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 223.

мнению Троцкого, Тухачевский и военная группа должны были быть решающей силой контрреволюционных выступлений. В разговорах выявилось также имеющееся у Троцкого опасение в отношении бонапартистских тенденций Тухачевского. В одном разговоре Седов сообщил о том, что Троцкий даже высказывает опасение в том отношении, что если Тухачевский удачно совершил бы военный переворот, то он возможно бы не пустил Троцкого в Москву, и в этом отношении указывал на необходимость максимальной бдительности с нашей стороны»⁶⁷. По свидетельству Розенгольца, Троцкий сначала предполагал, что Германия нападет на Советский Союз в 1935 или 1936 году и давал установку на подготовку государственного переворота именно к этому моменту. Но в 1937 году он понял, что начало войны откладывается, и поставил вопрос об осуществлении переворота, «не дожидаясь военных событий»⁶⁸.

Расспрашивая Розенгольца о подготовке переворота, государственный обвинитель побудил его сообщить суду еще одну любопытную деталь. Напомнив ему, что Тухачевский все время откладывал время военного переворота, Вышинский спросил: «Вы не припоминаете, как вообще Рыков относился к оттяжке сроков контрреволюционного выступления?»⁶⁹ «Он относился к оттяжке сроков выступления очень нежелательно», — ответил Розенголец. «Говорил ли вам Рыков, что Тухачевский обещает выступить, а не выступает?» — снова спросил Вышинский. Розенголец ответил утвердительно. «А кто еще говорил?» — поинтересовался прокурор. «Об этом говорил и Крестинский, и Седов передавал мнение Троцкого. Так что это был постоянный и основной мотив в разговорах»⁷⁰, — сообщил Розенголец.

После этого государственный обвинитель обратился к Крестинскому: «Подтверждаете ли вы показания обвиняемого Розенгольца?» «Да, но есть некоторые сравнительно незначительные неточности», — ответил тот и попытался объяснить, в чем они заключаются. Однако Вышинский прервал его объяснения: «Подсудимый Крестинский, скажите, в 1936 году

⁶⁷ Там же. С. 223–224.

⁶⁸ Там же. С. 225.

⁶⁹ В неправомерном тексте стенограммы процесса вместо слов «контрреволюционного выступления» стоят слова «восстания Тухачевского».

⁷⁰ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 225.

вы говорили Розенгольцу о том, что Тухачевский медлит с контрреволюционным выступлением?» Николай Николаевич попытался ответить уклончиво: «Говорил, но тут по-моему иначе было». Такой ответ не удовлетворил государственного обвинителя. «Скажите, — снова обратился он к Крестинскому, — в части показаний, которые суд слышал от обвиняемого Розенгольца, который говорил, что в 1936 году Рыков нервничал и говорил, что Тухачевский назначает срок осуществления своего преступного плана — восстания, и оттягивает. Об этом сказал Розенголец, говорил и Крестинский. Я спрашиваю, правда это?» Поняв, что уклониться от конкретного ответа не получится, Крестинский сказал: «Это не так, потому что с самого начала с Тухачевским было обусловлено, по поручению Троцкого, что выступление будет увязываться с войной. В конце 1936 года вопрос был поставлен одновременно и Троцким за границей в письме Радеку и Тухачевским самим о том, чтобы ускорить переворот и чтобы этого не увязывать с началом войны»⁷¹.

После такого сообщения вполне логичными и правдоподобными выглядели показания Розенгольца о состоявшемся в его квартире в конце марта 1937 года совещании с Крестинским и Тухачевским по вопросу военного переворота: «На этом совещании Тухачевский сообщил, что он твердо рассчитывает на возможность переворота, и указывал срок, полагая, что до 15 мая, в первой половине мая, ему удастся этот военный переворот осуществить»⁷². По словам Розенгольца, Тухачевский раскрыл и некоторые варианты плана готовившегося им военного переворота: «Один из вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, это — возможность для группы военных, его сторонников, собраться у него на квартире под каким-нибудь предлогом, проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства»⁷³.

Данный план может показаться наивным, но необходимо иметь в виду, что маршал Тухачевский занимал в то время пост первого заместителя наркома обороны и легко мог с группой своих соратников не только войти в Кремль, но и взять его под свой контроль.

⁷¹ Там же. С. 226.

⁷² Там же. С. 229.

⁷³ Там же. С. 230. В неправленном варианте стенограммы после фразы «проникнуть в Кремль» стоят слова «овладеть Кремлем».

Крестинский подтвердил показания Розенгольца о совещании с Тухачевским, правда, заметил, что проходило оно не в конце марта, а в начале апреля 1937 года. «Мы на этом совещании говорили уже об аресте Ягоды и исходили из этого ареста как из факта, — сказал он. — Об аресте Ягоды я узнал 2—3 апреля. Значит, это было в апреле месяце»⁷⁴. Повторил Крестинский и свидетельство Розенгольца о том, что Тухачевский наметил военный переворот на первую половину мая. Отвечая на вопрос Вышинского, высказывал ли он Тухачевскому мысль о необходимости ускорить данный акт, Крестинский дал в суде следующее показание: «До ноября 1936 года я не мог этого делать, потому что для всех нас было несомненным в то время, что это выступление не может произойти ранее нападения на Советский Союз иностранных государств. Но после этого у нас были совместные разговоры и стоял вопрос о том, как ускорить это выступление. Это было в пределах марта 1937 года. Со времени возвращения Тухачевского из отпуска и до конца марта я с ним несколько раз говорил на эту тему, а затем сообщил Розенгольцу, но не в такой форме, что Тухачевский назначил какой-то определенный срок и его не выдерживает, потому что срока никакого не было установлено. На квартире у Розенгольца разговор был более определенный. Тухачевский предполагал поехать в Лондон на коронацию английского короля, чтобы не вызывать никаких подозрений. Но когда выяснилось, что эта поездка отменена, он сказал, что в первой половине мая он поднимет восстание»⁷⁵.

Вышинский не прерывал подсудимых, когда они давали показания о подготовке Тухачевским военного переворота. Более того, своими вопросами он давал им понять, что именно эти их показания считает самыми важными. Крестинский закончил свой рассказ сообщением о том, что Тухачевский намеревался выступить в первой половине мая. Вышинский попросил его повторить это сообщение: «Значит, Тухачевский заявил, что в первой половине мая он поднимет восстание?» «Да, он это заявил», — подтвердил Крестинский. Вышинский снова обратился к Розенгольцу и велел ему продолжить показания, Розенголец заявил, что желает «теперь коснуться преступного использования канала Наркомвнешторга в своей троцкистской деятельности», но Вышинский

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 232.

прервал его и предложил вернуться к вопросу о подготовке военного переворота. «Что вы скажете о ваших встречах с Гамарником?» — спросил он Розенгольца. Аркадий Павлович в ответ заявил, что подтверждает те показания, которые давал на предварительном следствии, но Вышинский попросил его повторить эти свидетельства. По словам Розенгольца, Гамарник сообщил ему, что во время военного переворота он предполагает, опираясь на свой партийный, политический авторитет в армии, захватить здания Наркомата внутренних дел с помощью какой-нибудь войсковой части и рассчитывает на поддержку в этом деле некоторых из командиров, особенно «лихих»⁷⁶.

Стенограмма допроса А.П. Розенгольца на вечернем заседании суда 4 марта 1938 года показывает, что он не хотел рассказывать о подготовке военного переворота и сообщил об этом на суде какие-то подробности лишь под давлением государственного обвинителя. При этом бывший нарком внешней торговли несколько раз порывался рассказать о своих вредительских действиях, но Вышинский возвращал его к теме готовившегося военного переворота. Лишь в конце допроса Розенгольцу было позволено дать показания о своей вредительской деятельности на посту наркома внешней торговли. «Я хочу отметить, — сказал он, — что это вредительство ставило задачей помощь Германии, главным образом, и частично Японии. Из наиболее крупных актов этого вредительства, которое, понятно, является одновременно и изменнической деятельностью, я назову заключение нефтяного договора с Германией, назову факт экспорта золотоотходов в Германию, в то время как рациональнее было бы их перерабатывать в Советском Союзе. Далее, экспорт, цинковых концентратов. Авансовый экспорт, затем экспорт чугуна в Японию по удешевленным ценам и в значительном количестве в тот период, когда на рынке была острая нужда в чугуне, выдача фрахтовых ордеров с задержкой, что вызвало переплату, заключение ряда невыгодных условий в договорах, в частности, формулировку пункта о форс-мажоре. Также задержка экспорта в Монголию, Западный Китай. Особенно нужно отметить вредительство, вытекающее из задачи на поражение, — это задержка оборонного импорта»⁷⁷.

⁷⁶ Там же. С. 233.

⁷⁷ Там же. С. 237–238.

Здесь Вышинский прервал его: «Об этом вы более подробно расскажете в закрытом заседании. Я думаю, что сейчас не следует касаться этого вопроса». Председательствующий спросил: «Есть у вас вопросы к обвиняемому, товарищ Прокурор?». «Нет», — ответил Вышинский и попросил еще раз допросить Н.Н. Крестинского.

Николая Николаевича уже допрашивали днем ранее, но тогда Вышинский требовал от него лишь показаний о взаимоотношениях с Троцким в 1927–1929 годах и о том, как началась его «подпольная заговорщическая деятельность против Советского правительства?»⁷⁸. На этот раз государственный обвинитель повел допрос таким образом, чтобы подсудимый мог с подробностями рассказать о своей подпольной работе в рамках нелегальной троцкистской организации, о встречах с Троцким, о сотрудничестве Троцкого и троцкистов с германским рейхсвером, о подготовке троцкистами в союзе с правой оппозицией захвата государственной власти в СССР, о планировавшемся Троцким и Тухачевским в мае 1937 года военного переворота и физического уничтожения руководителей ВКП (б) и Советского государства.

Показания, которые бывший заместитель наркома иностранных дел СССР Н.Н. Крестинский дал на вечернем судебном заседании 4 марта 1938 года, после допроса подсудимого Розенгольца, имеют первостепенное значение для понимания феномена «сталинских репрессий» в целом и сущности судебных процессов 1936–1938 годов над большевистскими вождями в частности. Причем эти свидетельства, пожалуй, даже более важны, чем показания главных обвиняемых — Бухарина, Рыкова и Ягоды.

Крестинский довольно долго рассказывал на допросе в суде, как в конце 1921 году Троцким была создана нелегальная организация из влиятельных большевиков-революционеров, поставившая своей целью захват власти в Советском государстве⁷⁹, как по поручению Троцкого он, Крестинский, являвшийся в то время полномочным представителем РСФСР в Берлине, заключил через генерала Ганса фон Секта соглашение с германским рейхсвером о финансировании троцкистской организации в

⁷⁸ См.: Там же. С. 146.

⁷⁹ По словам Крестинского, в состав руководства этой подпольной политической организации вошли, помимо самого Троцкого и Крестинского, Пятаков, Серебряков, Преображенский и др.

обмен на услуги «шпионско-разведывательного характера»⁸⁰, как это соглашение выполнялось на протяжении вплоть до 1930 г.

Йоганн (Ганс) Фридрих Леопольд фон Сект (1866–1936) с марта 1920 по октябрь 1926 года занимал пост главнокомандующего сухопутными войсками вооруженных сил Германской империи — рейхсвера (Reichswehr) и одновременно должность начальника Главного управления армии, заменившего прежний Генеральный штаб. Его докладные записки показывают, что он действительно придавал особое значение России в судьбе Германии, полагал чрезвычайным бедствием для немецкой нации новую войну с русскими, выступал за экономическое сближение Германии с Россией и считал в полной мере соответствующим германским интересам тесный политический союз этих стран. «Будущее за Россией, — писал он. — Она не может погибнуть, т.к. на ее громадной территории вновь и вновь рождаются новые силы... И в случае, если Германия примет сторону России, то она сама станет непобедимой, ибо остальные державы будут вынуждены тогда всегда считаться с Германией, потому что они не могут не принимать в расчет Россию. Если же Германия станет на враждебную России платформу, то она потеряет единственную надежду на будущее, которая еще осталась у нее после двух войн. На стороне Антанты она не найдет себе будущего; тогда она, если рассуждать здраво, навсегда останется народом, который используют для работы на других. И при этом Германия будет постепенно угасать от внутренних смут и от тяжелой доли народа илотов»⁸¹.

⁸⁰ На допросе в зале суда Крестинский сообщил, что высказывал Троцкому свои сомнения относительно необходимости заключения соглашения, которое является в сущности изменой отечеству, но Троцкий в ответ заявил, что «наша внешнеполитическая линия с Германией того периода совпадает, что Германия разрушена войной и во всяком случае, ввиду наличия в Германии реваншистских настроений в отношении к Франции, Англии и Польше, исключено на ближайшее время столкновение ее с Советским Союзом, или в то время Советской Россией, что поэтому можно пойти на это дело без того, чтобы совершать фактически тяжелое преступление». По признанию Крестинского, данный аргумент был несерьезным, детским, но он дал себя убедить им, поскольку был слишком озлоблен на руководство ВКП (б). См.: Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 238–239.

⁸¹ Докладная записка начальника Главного управления армии о ближайших политических задачах Германии. Берлин, 26 июля 1929 г. // Советско-германские

Ганс фон Сект являлся убежденным противником большевизма, но он не считал политическое господство носителей этой идеологии в России серьезным препятствием для установления между нею и Германией союзнических отношений. В программном документе, составленном им октябре 1923 года, отмечалось: «Важнейшим делом правительства будет осуществление экономического сближения с Россией, поскольку оно убеждено, что обстоятельства связали оба государства друг с другом, а оказание взаимопомощи в экономической области отвечает обоюдным интересам. При этом совершенно различные формы правления в обоих государствах не должны и не могут служить препятствием, поскольку Германия столь же мало помышляет о вмешательстве в русские внутренние дела, сколь преисполнена решимости отразить и воспрепятствовать любому внешнему воздействию на ее внутренние порядки, с какой бы стороны это ни исходило»⁸².

Достоверно известно, что полномочный представитель РСФСР в Берлине Н.Н. Крестинский был лично знаком с Гансом фон Сектом, неоднократно с ним общался по служебным делам и не скрывал своего весьма уважительного отношения к этому немецкому генералу. Но было ли между ними на самом деле заключено в 1921 году то секретное соглашение, о котором Николай Николаевич поведал при допросе на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, утверждать с уверенностью невозможно. Факты, которые он приводил в подтверждение его существования, кажутся правдоподобными, не более того.

Любопытно, что Вышинский, резко прерывавший подсудимых всякий раз, когда они начинали говорить что-либо, выходящее за рамки рассматриваемого уголовного дела, терпеливо слушал довольно пространственный рассказ Крестинского о создании и деятельности нелегальной троцкистской организации, о ее сотрудничестве с германским рейхсвером и лишь иногда задавал уточняющие вопросы. Это означает, что показания бывшего заместителя наркома иностранных дел были чем-то важны для судебного процесса. Но чем конкретно? Ведь Крестинский говорил о

отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. докум. Т. 2 (1919–1922 гг.). М., 1971. С. 206.

⁸² Из «Правительственной программы» генерала Секта. Октябрь 1923 г. // Советско-германские отношения 1922–1925 гг. Документы и материалы. Ч. 1. 1922–1924 гг. М., 1977. С. 217–218.

событиях, происходивших в начале и в середине 1920-х годов? Какое отношение эти события могли иметь к данному процессу?

Удовлетворительный ответ на данный вопрос невозможно найти, если смотреть на проходивший в первой половине марта 1938 года судебный процесс по делу право-троцкистского блока как на феномен чисто **юридический** и оценивать отраженные в его стенограмме вопросы обвинителя и показания обвиняемых исключительно с **правовой** точки зрения. Данный процесс должен был прежде всего продемонстрировать советскому народу, что противники Сталина являются не его личными врагами, а политической силой, противостоящей **всему** советскому народу и Советскому государству; что выступить против сталинского руководства их заставили не его ошибки, не желание их исправить, не забота о благе народа, а изначально укорененное в них стремление добиться власти и сопряженных с нею благ лично для себя.

На скамье подсудимых оказались большевики-революционеры, занимавшие высокие государственные и партийные посты, имевшие репутацию идейных борцов за народную власть, за социализм. Судебный процесс над ними был призван прежде всего показать их безыдейность и цинизм, способность добиваться власти любыми средствами, любой ценой — в том числе путем сотрудничества с враждебными Советскому Союзу иностранными правительствами, посредством развязывания войны, разрушения экономики своей страны, массовой гибели своих соотечественников и т.д. Это и должны были продемонстрировать показания подсудимых о том, что подпольные заговорщические организации стали формироваться оппозицией еще в начале 1920-х годов, что уже тогда началось сотрудничество оппозиции с иностранными правительствами. Данный факт означал, что возникновение в СССР политической оппозиции не было связано с деятельностью сталинского руководства. Именно поэтому Вышинский не прерывал Крестинского, когда он рассказывал о тех событиях.

Прокурор СССР позволил бывшему заместителю наркома иностранных дел в подробностях рассказать суду также о своих встречах за границей с Троцким и Седовым. И Крестинский описал, *когда, в каких местах, при каких обстоятельствах* он встречался с ними. Его показания

изобиловали деталями, которые можно было проверить, и потому казались вполне достоверными.

Так, об одной из встреч с сыном Троцкого Львом Седовым Крестинский сообщил следующее: «В 1929 году осенью, кажется в сентябре, когда я находился в отпуску на юге Германии, в Киссингене, ко мне по телефону позвонил из Берлина Якубович и сообщил, это было сказано эзоповским языком, что сын Троцкого хочет меня повидать по поручению отца. Я предложил ему приехать в Киссинген. На другой день или через день приехали Седов и Якубович. Они остановились в разных гостиницах. Седов остановился в гостинице “Энглишер Гоф”, которая не посещалась советскими гражданами. В этой гостинице состоялось свидание... Информация Седова заключалась в том, что Троцкий советует высланным и исключенным троцкистам подавать заявления о том, что они отказываются от оппозиционной борьбы и о принятии их обратно в партию... Нужно озаботиться о том, чтобы сохранить организационный костяк; чтобы эти люди проникали в партийные и советские организации и старались занять там более или менее самостоятельные, ответственные посты, чтобы велась работа в строго законспирированном виде по привлечению новых сторонников из числа надежных людей в единичном порядке для увеличения и укрепления кадрового костяка. Вопрос о том, когда и каким образом будут использованы эти кадры для прихода к власти в партии и в Советском государстве, — этот вопрос тогда еще не ставился»⁸³.

Столь же детальными были и показания Крестинского о том, *каким образом* он поддерживал связь с Троцким и *как организовывались* встречи с ним. Вышинский специально добивался, чтобы подсудимый приводил в своих показаниях как можно больше деталей. Из стенограммы процесса видно, что Крестинский хотел рассказать суду лишь о разговоре с Троцким при встрече с ним на севере Италии. Однако едва он произнес фразу: «Когда я встретился с Троцким в Меране...», как Вышинский прервал его: «Расскажите, как была организована ваша встреча с Троцким в Меране»⁸⁴. И Крестинский в ответ сообщил: «Я был проездом несколько

⁸³ Там же. С. 245–246.

⁸⁴ Там же. С. 249. При подготовке стенограммы процесса к печати из этой фразы было удалено слово «пожалуйста» и вставлено слово «Троцким». В действительности

дней в Берлине. В Берлине сидел советником наш троцкистский человек Бессонов, у которого связь с Троцким должна была быть... Когда я сказал, что хочу повидаться с Троцким, он ответил, что такая возможность есть, причем я сказал, что до конца сентября буду в Киссинген⁸⁵, а числа до 10 октября буду в Меране, и дал ему адрес киссингенской санатории, в которой я всегда останавливался, а также и адрес свой в Меране. Там я два раза останавливался в одной и той же гостинице и полагал, что эта гостиница по-прежнему существует. Я сказал, что найти меня по этому адресу (а ехал я под своим настоящим именем) будет нетрудно. Я еще был в Киссингене, когда мне позвонил Бессонов по телефону и сообщил, что встреча состоится в Меране, а я в это время получил подтверждение, что гостиница, в которой я останавливался за 8 лет перед этим, существует, это отель "Бавария". Троцкий приехал в Меран около 10 октября вместе с Седовым⁸⁶. К этим подробностям Крестинский добавил то, что узнал от самого Троцкого: он прибыл в Италию с «чужим французским паспортом» через франко-итальянскую границу.

Для подтверждения выдвинутых против подсудимых обвинений особенно важны были показания Крестинского о директивах для оппозиции, которые бывший большевистский вождь изложил ему во время встречи в Меране. Ожидалось, что противники Сталина будут отрицать сам факт встречи Крестинского с Троцким в 1933 году в Меране. Приведенные Крестинским в суде подробности о том, как эта встреча была организована и при каких обстоятельствах состоялась, снимали сомнения относительно того, что она действительно была и повышали достоверность его последующих показаний о содержании директив Троцкого.

По свидетельству Крестинского, изложение своих указаний Троцкий начал с констатации того, что захват власти антисталинской оппозицией может быть осуществлен только силой, а *«заговорщическая организация, охватывающая несколько тысяч человек, какими бы решительными эти люди ни были и как бы хорошо они ни были организованы, никакого*

Вышинский спросил: «Расскажите, пожалуйста, как была организована ваша встреча в Меране».

⁸⁵ Город на севере Баварии. — В.Т.

⁸⁶ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 249–250.

переворота *сама* произвести не может. Необходимо по этому поводу прямое соглашение с какой-нибудь буржуазной *организацией за границей*⁸⁷.

Следующее указание Троцкого касалось подготовки государственного переворота внутри страны. Согласно показаниям Крестинского, Троцкий сказал: «Если даже произойдет нападение, скажем, Германии на Советский Союз, *произойдет поражение Красной армии*⁸⁸, это еще не дает возможности захватить аппарат власти, если у нас не будут в этом направлении подготовлены известные внутренние силы, а троцкисты, как таковые, недостаточно многочисленны и сильны, чтобы такую организацию одним создать. Необходимо иметь оплот и в городе и в деревне у мелкой буржуазии и у кулаков, а там связь имеют, главным образом, правые. Необходимо иметь, наконец, опору, организацию в Красной армии, среди командиров, чтобы соединенными усилиями в нужный момент захватить важнейшие пункты и прийти к власти, заменить нынешнее правительство, которое должно быть арестовано, и посадить на его место свое собственное правительство, заранее подготовленное»⁸⁹.

Приведенные показания Крестинского раскрывали только первые шаги Троцкого, решившего захватить государственную власть в Советском Союзе путем соглашения с иностранными правительствами о поддержке антисталинской оппозиции и создания объединенного блока троцкистов, правых и военных заговорщиков.

4

В то время, когда в Москве Военная коллегия Верховного суда СССР слушала дело антисоветского право-троцкистского блока, Троцкий

⁸⁷ При подготовке текста стенограммы процесса к публикации выделенные курсивом слова «охватывающая несколько тысяч человек, какими бы решительными эти люди ни были и как бы хорошо они ни были организованы» были удалены, а словосочетание «организацией за границей» заменено на краткое слово «страной». См.: Там же. С. 250.

⁸⁸ В опубликованном варианте стенограммы процесса фраза «произойдет поражение Красной армии» была удалена.

⁸⁹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 250–251.

пребывал в Мексике. О показаниях подсудимых он узнавал из сокращенной стенограммы процесса, печатавшейся в газете «Правда». Свои мнения о процессе Лев Давидович регулярно публиковал в «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)», а также в газетах США, Великобритании, Норвегии и других стран. Все, что происходило на судебных заседаниях, он старался представить потоком клеветнических выпадов, инспирированных Сталиным в целях дискредитации большевиков-революционеров. «Московский процесс утомил общественное мнение своими сенсационными несообразностями еще прежде, чем был доведен до конца», — такими словами Лев Давидович начал свою статью «Итоги процесса». Написанная 10 марта 1938 года, она была 25 марта опубликована под названием «A Key to the Russian Trials» в норвежской газете «Tidens Tegn», а 16 апреля вышла под тем же названием в шотландском периодическом издании «Forward»⁹⁰. Ее русский текст был напечатан в апрельском номере «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)» за 1938 год.

Главную несообразность этого процесса, так же как и других подобных процессов, проведенных прежде, Троцкий усматривал в том, что обвинения в государственной измене выдвигались против целого ряда высших советских руководителей — членов ЦК ВКП (б) и даже против всемогущего Политбюро, бывшего главы правительства, бывших народных комиссаров, глав советских республик, важнейших дипломатов, руководителей Коминтерна, полководцев и руководителей Красной армии и т.д. «Все они состояли в заговоре против советской власти, даже в те годы, когда она находилась в их руках, — удивлялся бывший большевистский вождь. — Все они, в качестве агентов иностранных держав, стремились разорвать построенную ими Советскую Федерацию в клочья и закабалить фашизму народы, за освобождение которых они боролись десятки лет». Это означает, констатировал Троцкий, что «советское государство выступает как централизованный аппарат государственной измены»⁹¹.

Несообразностью показательных процессов против большевистских руководителей Лев Давидович считал и то, что в качестве государствен-

⁹⁰ *Trotsky L.D. A Key to the Russian Trials // Tidens Tegn. Oslo, 1938. No. 73. March 25; Forward. Glasgow, 1938. April 16.*

⁹¹ *Троцкий Л.Д. Итоги процесса // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 65. Апрель.*

ного обвинителя выступал бывший меньшевик. По мнению Троцкого, преследуя видных большевиков-революционеров, прокурор СССР действовал вполне искренне, в полном соответствии с собственными убеждениями. «Вышинский сочетается с политическим процессом свой личный процесс, — подчеркивал Троцкий. — В годы революции он был в лагере белых. Переменив после окончательной победы большевиков ориентацию, он долго чувствовал себя униженным и подозреваемым. Теперь он берет реванш. Он может глумиться над Бухариным, Рыковым, Раковским, имена которых он в течение ряда лет произносил с преувеличенной почтительностью. Тем временем господа послы: Трояновский, Майский, Суриц, у которых то же приблизительно прошлое, что у Вышинского, разъясняют общественному мнению цивилизованного человечества, что именно они выполняют заветы Октябрьской революции, тогда как Бухарин, Рыков, Раковский, Троцкий и др. предают ее, как предавали всегда. Все опрокинуто на голову»⁹².

Троцкий не понимал и не хотел понять, что к середине 1930-х годов в СССР возникла новая реальность, характер которой определялся не революцией, а интересами подготовки к отражению военной агрессии со стороны Западного мира. Эти интересы требовали укрепления Советского государства не только как орудия централизованного управления экономикой, но и как средства защиты страны от внешней агрессии и внутренних подрывных сил. Превращение государства, созданного революцией и гражданской войной, в могущественную бюрократическую машину, способную сосредоточить под своей властью все людские и материальные ресурсы страны и централизованно ими управлять, предполагало установление жесточайшей административной дисциплины, подавление всякой революционной вольницы — всего, что было чревато восстаниями, мятежами, возмущениями. Это государство продолжало славить революцию, но только как момент и способ своего рождения: по своей практической политике оно неизбежно становилось антиреволюционным.

Большевистский правящий слой, сформировавшийся во время гражданской войны, оказался неспособным принять новую реальность, но при этом не желал уступать свое господствующее положение в советском

⁹² Там же.

обществе тем, кто по своим личным качествам, мировоззрению и степени образованности более соответствовал организационному устройству и духу нового Советского государства. Репрессии 1936–1938 годов обрушились на все слои советского общества и погубили множество людей, не совершавших каких-либо преступлений и вполне сживавшихся с новыми политическими реалиями. Но самый значимый и заметный удар они нанесли по тем, кто совершил революцию 1917 года и победил в последовавшей за ней гражданской войне. Троцкий именно их считал главными жертвами данных репрессий. В очерке-некрологе на смерть своего сына Льва Седова⁹³, написанном 20 февраля 1938 года, он счел необходимым обратить внимание на печальную судьбу большевиков-революционеров: «То старшее поколение, в рядах которого мы выходили в конце прошлого века на дорогу революции, **все, без остатка сметено со сцены**. Чего не сделали каторжные тюрьмы царя, суровая ссылка, нужда эмигрантских лет, гражданская война и болезни, то доделал за последние годы **Сталин, как злейший из бичей революции**. Вслед за старшим поколением истреблена лучшая часть среднего, т.е. того, которое пробудил 1917 г., и которое получало свое воспитание в 24-х армиях революционного фронта»⁹⁴ (выделено мною. — В.Т.).

Троцкому совсем не приходила в голову, казалось бы, элементарная мысль: люди, воспитанные революцией и войной, не были подготовлены для управления государственными учреждениями и хозяйственными предприятиями, образованием и здравоохранением — всем тем, что составляло атрибуты мирно текущей, нормальной общественной жизни. Чтобы соответствовать такой жизни, они должны были как будто заново

⁹³ Лев Львович Седов скончался 16 февраля 1938 г. в одной из парижских больниц после операции аппендицита. Лев Троцкий был уверен, что его сына убили агенты НКВД. Нарком внутренних дел Н.И. Ежов, по некоторым сведениям, доложил Сталину об этой смерти так, будто она была не случайно, а стала результатом операции, осуществленной вверенным ему ведомством. П.А. Судоплатов, являвшийся одним из руководителей операции по устранению Л.Д. Троцкого в 1940 г., отрицал участие НКВД в смерти Льва Седова. В своих воспоминаниях он отметил: «Доподлинно известно лишь то, что Седов умер в Париже, но ни в его досье, ни в материалах по троцкистскому интернационалу я не нашел никаких свидетельств, что это было убийство» (Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1998. С. 127).

⁹⁴ Троцкий Л.Д. Лев Седов. Сын, друг, борец. Посвящается пролетарской молодежи // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев). 1938. № 64. Март.

родиться. Их богом должно было стать **государство**, а не революция. Кому-то из большевиков удавалось переродиться, но многие навсегда оставались в своем революционном прошлом и продолжали все происходившее вокруг них оценивать с точки зрения своих революционных идеалов.

Сталин мыслил не с позиции революционных идеалов, а исходя из реальных потребностей советского общества. В условиях, сложившихся в Европе к середине 1930-х годов, когда очевидным стало, что фашистские государства и в первую очередь самые могущественные из них — Германия и Япония, при попустительстве правительств Западных стран и финансовой помощи мировой олигархии ведут ускоренную подготовку к вооруженной борьбе за передел мира и в том числе к военному нападению на СССР, важнейшей среди этих потребностей становилась потребность в усилении обороноспособности нашей страны. Это предполагало быстрое развитие военной промышленности, перевооружение и организационное совершенствование армии, увеличение и повышение подготовки ее кадрового состава. Эти меры как раз и стали активно предприниматься в СССР во второй половине 1930-х годов.

В отличие от Сталина, Троцкий игнорировал реальные потребности советского общества и оценивал политику Советского государства исключительно с точки зрения революционных идеалов. В статье под названием «Продолжает ли еще советское правительство следовать принципам, усвоенным 20 лет тому назад?», напечатанной им в мае-июне 1938 года в «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)», бывший большевистский вождь заявлял: «Октябрьская революция провозгласила одной из своих задач растворение армии в народе. Предполагалось, что вооруженные силы будут построены по принципу милиции. Только такая организация армии, делающая народ вооруженным хозяином своей судьбы, соответствует природе социалистического общества. Переход от казарменной армии к милиционной систематически подготовлялся в течение первого десятилетия. Но с того момента, как бюрократия окончательно подавила всякое проявление самостоятельности рабочего класса, она открыто превратила армию в орудие своего господства. Милиционная система упразднена полностью. Двухмиллионная армия имеет сейчас чисто казарменный характер. Восстановлена офицерская

каста с генералами и маршалами. Из орудия социалистической обороны армия стала инструментом защиты привилегий бюрократии»⁹⁵.

Троцкий не принимал во внимание простейшей истины, а именно что развитие вооружения сделало народное ополчение (вооруженный народ) неспособным защитить страну, что только армия, состоящая из офицеров-профессионалов и специально обученных военному делу солдат могла в то время стать защитницей страны. Он как будто забыл, что армия в Советском Союзе продолжала именоваться Рабоче-Крестьянской Красной Армией, а в качестве военной присягой в ней действовала «Формула торжественного обещания», утвержденная ВЦИК советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 25 апреля 1918 года. Она применялась до принятия нового варианта военной присяги, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 января 1939 года.

Троцкий довольно точно определил главный смысл «сталинских репрессий»: они смели с политической арены два поколения большевиков-революционеров и нанесли смертельный удар по революционным идеалам. Но он не понял, что данный переворот был неизбежен. Революция не может быть перманентной, длящейся десятилетиями, поскольку в этом случае она неминуемо вступает в противоречие с интересами сохранения страны, ее населения и правящего слоя. В сфере идеологии это противоречие проявляется как борьба идеи сильного государства с разрушительными для него революционными идеалами, а в социальной и политической сфере — как противостояние государственников и революционеров.

Эта идеологическая борьба и социально-политическое противостояние могли продолжаться в советском обществе довольно долго, если бы к середине 1930-х годов наша страна не оказалась бы перед угрозой военной агрессии со стороны Западного мира, если бы мировая олигархия не стала открыто и нагло превращать Германию и Японию в военно-фашистский таран против СССР. Когда угроза военного нападения на нашу страну с целью ее полного уничтожения стала осознаваться советским правящим слоем и проникать в сознание населения Советского Союза, отказ от

⁹⁵ Троцкий Л.Д. Продолжает ли еще советское правительство следовать принципам, усвоенным 20 лет тому назад? // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 66-67. Май-июнь.

революционных идеалов и выдвигание на господствующие позиции в официальной идеологии государственных начал стало не только необходимым, но и возможным. С этого времени печальная участь большевиков-революционеров была predetermined.

Открытые судебные процессы над бывшими большевистскими руководителями были организованы не только для того, чтобы публично обвинить и покарать подсудимых, но и для того, чтобы осудить предательство своей страны, измену своей родине как в высшей степени порочное, преступное явление, чтобы **утвердить в сознании советских людей в качестве высшей ценности патриотизм, приверженность к своей стране, своему народу, своему государству.**

Культивирование в советском обществе этих ценностей предполагало развенчание революционного космополитизма, пренебрежения интересами своего отечества в политике и в повседневной жизни. Ярче всего это течение в идеологии и политике воплощал в своем мировоззрении и в политической деятельности Лев Давидович Троцкий. Именно поэтому больше всего обвинений выдвигалось в показательных судебных процессах против него. Не являясь в них подсудимым, он был главным обвиняемым.

Бывшие соратники говорили о его тяжких преступлениях против Советского государства и советского народа. Основные обвинения были четко сформулированы подсудимым Н.Н. Крестинским. Сообщив на допросе вечером 4 марта, что Троцкий в 1933 году давал ему установки «на соглашение с иностранными правительствами» и «на создание в Советском Союзе объединенных сил троцкистов, правых и военных заговорщиков», Николай Николаевич добавил: «Дальше Троцкий развил мысль о необходимости террора, вредительства и диверсий, причем диверсионные акты и террористические акты он рассматривал под углом зрения и применения их во время войны и для дезорганизации обороны, Красной Армии, для дезорганизации правительства к моменту переворота, и в то же время эти диверсионные и террористические акты давали бы ему, Троцкому, большую устойчивость и уверенность в переговорах с иностранными правительствами, ибо он мог бы ссылаться

на то, что его сторонники в Советском Союзе и достаточно сильны и достаточно активны»⁹⁶.

Ни Крестинский, ни другие подсудимые не стремились подтвердить свои показания о преступных директивах Троцкого какими-либо фактами. И если подобным утверждениям все же верили, то основания для этого дал, как ни странно, сам обвиняемый. Враждебное отношение Троцкого к Советскому государству было очевидным: Лев Давидович его не только не скрывал, но при каждом удобном случае демонстрировал. Он так много написал о революционных идеалах и о том, как далеко от них отошло в 1930-е годы Советское государство, что вряд ли кто-то знавший его творчество сомневался в его готовности пойти для уничтожения Сталина и его сторонников на самые крайние меры — в том числе и на сговор с врагами Советского Союза, и на организацию террористических актов.

Американский советолог Альберт Бойтер, специально изучавший роль фигуры Л.Д. Троцкого в московских показательных судебных процессах 1936–1938 годов, сделал в этом исследовании следующий вывод: «Трудно поверить, что Троцкий до дня своей безвременной кончины в 1940 году не работал с неутомимой энергией в направлении восстановления своего лидерства в Советском Союзе. Также совершенно невозможно поверить, что Троцкий не опустился бы до соглашений с капиталистическими странами, чтобы играть роль оппортуниста. В любом случае, он не был бы полностью не в своем характере. Он имел дело с немцами в Брест-Литовске. С другой стороны, кажется нелогичным, что Троцкий был таким грозным врагом советского руководства, каким его представлял Вышинский»⁹⁷.

⁹⁶ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 251.

⁹⁷ «It would be hard to believe that Trotsky did not, until the day of his untimely death in 1940, by fair means and foul, work with tireless energy toward the restoration of his leadership in the Soviet Union. Neither is it wholly impossible to believe that Trotsky would not stoop to agreements with capitalistic countries to play the role of an opportunist. In either case, he would not be wholly out of character. He had dealt with the Germans at Brest-Litovsk. On the other hand, it seems illogical that Trotsky was as formidable an enemy to the Soviet leadership as Vyshinsky pictured him» (Boiter A.L. Trotsky and the Moscow treason

* * *

После допроса Н.Н. Крестинского прокурор СССР начал допрос подсудимого Х.Г. Раковского. Христиан Георгиевич был с января 1919-го до 15 июля 1923 года председателем правительства Украины и с тех пор не занимал высоких должностей⁹⁸. В число подсудимых по делу антисоветской право-троцкистского блока он попал потому, что являлся другом и единомышленником Л.Д. Троцкого, вел с ним постоянную переписку⁹⁹.

Допрос Раковского проходил на двух судебных заседаниях — вечером 4 марта и утром следующего дня. Его ответы на вопросы государственного обвинителя, отраженные в стенограмме процесса, демонстрируют полную подавленность воли. «Скажите, как вы могли бы кратко формулировать признание своей вины перед Советским Союзом», — спросил Раковского Вышинский. «Я признаю, — ответил подсудимый, — что, начиная с 1924 года, я являлся изменником советской социалистической родины»¹⁰⁰.

Показания Раковского в основном касались фигуры Троцкого. Государственный обвинитель пресекал малейшие попытки подсудимого высказать какие-то возражения. Так, однажды Христиан Георгиевич назвал правых и троцкистов оппозицией. Вышинский вспыхнул: «Какая же это оппозиция? Это бандитская группа контрреволюционеров». Раковский попытался объяснить, почему он употребил термин «оппозиция», но Вышинский прервал его и заявил повелительным тоном: «Вы в своих объяснениях сегодня вообще допускали целый ряд таких выражений, как будто вы забываете, что дело идет о вас, как о члене контрреволюционной, бандитской, шпионской, диверсионной организа-

trials. A Dissertation Submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Louisville. Louisville, 1947. P. 82-83).

⁹⁸ С июля 1923 г. по октябрь 1925 г. Х.Г. Раковский являлся полномочным представителем СССР в Великобритании, затем почти два года занимал должность полномочного представителя СССР во Франции. В 1927-1934 гг. пребывал в ссылке по приговору Особого совещания ОГПУ за оппозиционную деятельность. С 1934 г. служил в наркомате здравоохранения РСФСР. Арестован был 27 января 1937 г.

⁹⁹ На утреннем заседании 5 марта Раковский признался: «С Троцким я был лично знаком с 1903 года. Это знакомство укрепилось, и я являлся его близким другом» (Там же. С. 279)

¹⁰⁰ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 279.

ции изменников. Я считаю себя обязанным вам об этом напомнить, ведя ваш допрос, и просить вас держаться ближе к существу совершенных вами изменнических преступлений, говорить без философии и тому подобных вещей, которые здесь совершенно не к месту»¹⁰¹.

Из стенограммы допроса Раковского нетрудно увидеть, что Вышинский требовал от него главным образом подтверждения руководящей роли Троцкого в организации заговоров против Сталина. И Раковский дал такие показания, сказав судьям: «Вот перед вами находится виновный в государственной измене, который был с ними связан известными нитями — одни шли горизонтально, а другие шли вертикально, и **все сводилось к Троцкому**. Это есть, так сказать, руководящее **начало во всех этих заговорах**, во всех этих предательствах и изменах против Советского Союза, вождей правительства и партии. Вот мое предварительное замечание»¹⁰² (выделено мною. — В.Т.).

Рассказывая о своем общении с Троцким, Раковский не привел ни одной подробности, которая могла бы свидетельствовать о правдивости его показаний. Он лишь повторил обвинения против Троцкого, выдвинутые другими подсудимыми. Вышинский, ведя его допрос, откровенно подсказывал ему своими вопросами, что и как говорить в ответ. «Я спрашиваю вас, — обращался он к Раковскому, — рассчитывали троцкисты и “право-троцкистский блок”, представители которого сидят здесь на скамье подсудимых, захватить власть и ликвидировать Советскую власть своими собственными силами?» «Нет», — отвечал Раковский. «При чьей помощи “право-троцкистский блок” рассчитывал на захват власти? При чьей помощи?» — допытывался Вышинский. «При помощи агрессора, фашистского агрессора», — говорил в ответ Раковский и замолкал. «Путем поражения, — продолжал отвечать за него Вышинский, — расчленения СССР и так далее, того, что мы здесь все уже выясняли. Я вас спрашиваю теперь: если ваш блок рассчитывал захватить власть, и это было единственной для вас надеждой, при помощи фашистских агрессоров, то в чьих руках была бы эта власть — в руках блока или в руках фашистских агрессоров?» «В конце концов она оказалась бы в руках фашистских агрессоров», — повторял за Вышинским Раковский.

¹⁰¹ Там же. С. 269.

¹⁰² Там же. С. 260.

В последних своих показаниях Христиан Георгиевич предстал кающимся грешником. Объяснив, почему только на восьмом месяце своего ареста он стал давать откровенные показания, Раковский заговорил как на исповеди: «И тогда я стал сам перед собой следователем, я предстал перед своим собственным судом. Это суд, который никто не будет упрекать в какой бы то ни было пристрастности. Я встал перед своим собственным судом. Я с юных лет отдавал себя рабочему движению и к чему я пришел? Я пришел к тому, что я своими действиями облегчал самую гнусную работу, облегчал то, что фашистские агрессоры подготовляли для уничтожения культуры, цивилизации, всех завоеваний демократии, всех завоеваний рабочего класса. Вот что меня заставило, вот что устранило мое упрямство, мой ложный стыд, проистекающий из самолюбия, мой страх за свою собственную участь, которая недостойна для людей, которые когда-то участвовали в революционном движении». Закончил Раковский свою исповедальную речь клятвенными словами: «Я должен заявить, что те показания, которые я давал сейчас, они являются абсолютно полными, искренними и исчерпывающими»¹⁰³.

Утреннее заседание 5 марта завершилось допросом подсудимого Исаака Абрамовича Зеленского. Он долго рассказывал о своей работе в качестве агента царской охраны в Самаре в 1911–1913 годах. Затем сообщил, что в 1928–1929 годах вошел в организацию правых. После этого стал давать показания о своей вредительской и диверсионной работе на посту председателя правления Центросоюза. Содержание его допроса, отраженное в стенограмме процесса, было на редкость скучным. Трудно сказать с уверенностью, почему он оказался на скамье подсудимых вместе с Бухариным. Скорей всего Исаак Абрамович был предназначен просто для дискредитации правых как революционеров.

Вечернее заседание Военной коллегии Верховного суда СССР 5 марта 1938 года началось с допроса бывшего первого секретаря компартии Узбекистана А.И. Икрамова. Он рассказал о своих встречах и беседах с Бухариным, подтверждая выдвинутые против вождя правых обвинения. Самыми тяжкими среди них были обвинения в подготовке террористических актов против руководства ВКП (б) и Советского государства и сотрудничестве с иностранными разведками. Отвечая на вопросы

¹⁰³ Там же. С. 283.

Вышинского, Акмаль Икрамович показал, в частности, что еще в 1933 году Бухарин сообщил ему, что «в программе правых стоит вопрос и о терроре» и при этом привел тезисы «об устранении руководства партии», которые спустя два месяца стали известны как «платформу Рютина»¹⁰⁴. Рассказывая о встрече с Бухариным во время работы VIII чрезвычайного Съезда Советов в конце ноября– начале декабря 1936 года, Икрамов сообщил, что Николай Иванович сказал ему тогда, что «если сейчас войны не будет, если скоро интервенции не будет — нашему делу капут»¹⁰⁵.

После повторного непродолжительного допроса Бессонова председательствующий объявил, что суд переходит к допросу подсудимого Бухарина. Николай Иванович сразу же заявил: «Я имею ходатайство к суду по следующим двум пунктам: во-первых, предоставить мне возможность свободного изложения перед судом, и, во-вторых, разрешить мне в начале моего изложения остановиться более или менее, насколько это позволяет время, на анализе идейно-политических установок преступного “право-троцкистского блока” по следующим мотивам — во-первых, потому, что об этом говорили сравнительно мало, во-вторых, это имеет известный общественный интерес и в- третьих, гражданин общественный обвинитель этот вопрос задавал на предыдущем, если не ошибаюсь, заседании»¹⁰⁶.

Вышинский возразил: «Если обвиняемый Бухарин предполагает ограничить как-либо право государственного обвинителя задавать вопросы в процессе его объяснений, то, я думаю, что товарищу председателю надлежит разъяснить Бухарину, что право обвинителя задавать вопросы основано на законе. Поэтому я прошу отклонить это ходатайство, как это предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом»¹⁰⁷. «Я не так понимал свое ходатайство», — ответил на это Бухарин. Председательствующий же промолчал.

Допрос Бухарина пошел явно не так, как хотел и ожидал Вышинский. Государственный обвинитель даже замолчал на какое-то время, и первые вопросы самому главному подсудимому задал председатель Военной коллегии. «Подтверждаете ли вы ваше показание на предварительном

¹⁰⁴ Там же. С. 312.

¹⁰⁵ Там же. С. 323.

¹⁰⁶ Там же. С. 331.

¹⁰⁷ Там же.

следствии об антисоветской деятельности?» — спросил он. «Я свое показание подтверждаю полностью и целиком», — ответил Бухарин. «Что вы желаете сказать об антисоветской деятельности?» — снова спросил председательствующий, добавив при этом: «А товарищ прокурор имеет право задавать вопросы»¹⁰⁸.

Только после этих слов Андрей Януарьевич прервал свое молчание. «Позвольте начать допрос обвиняемого Бухарина, — обратился он к председательствующему и, не дожидаясь ответа, сказал подсудимому: «Сформулируйте кратко, в чем именно вы признаете себя виновным».

Николай Иванович, явно подготовившийся к поединку с Вышинским, спокойно ответил: «Во-первых, в принадлежности к контрреволюционному «право-троцкистскому блоку». «С какого года?» — решил уточнить Вышинский. «С момента образования блока, — сказал Бухарин. — Еще до этого я признаю себя виновным в принадлежности к контрреволюционной организации правых». «С какого года?» — опять прервал его Вышинский. «Примерно, с 1928 года, — ответил ему Бухарин. После этого он продолжил показания: «Я признаю себя виновным в том, что я был одним из крупнейших лидеров этого “право-троцкистского блока”. Я признаю себя, следовательно, виновным в том, что вытекает непосредственно отсюда, виновным за всю совокупность преступлений, совершенных этой контрреволюционной организацией независимо от того, знал ли я или не знал, принимал или не принимал прямое участие в том или ином акте, потому что я отвечаю, как один из лидеров, а не стрелочник этой контрреволюционной организации»¹⁰⁹.

Этим довольно необычным признанием Бухарин, кажется, вполне успокоил Вышинского. Андрей Януарьевич начал задавать вопросы в своей обычной манере — как бы подсказывая подсудимому, какие он должен дать ответы.

Задав вопрос о целях право-троцкистского блока, Вышинский услышал, что эта контрреволюционная организация своей основной целью видела по существу реставрацию капиталистических отношений в СССР. Такой ответ его не удовлетворил, и он стал добиваться нужной формулировки дополнительными вопросами. «Свержение Советской

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

власти?» – спросил он Бухарина. «*Свержение Советской власти*, – повторил за ним Бухарин. – Это было средством для реализации этой цели». «*Путем?»* – продолжил Вышинский. «Как известно...», – начал говорить Бухарин. «*Путем насильственного ниспровержения?»* – прервал его Вышинский. «*Да, путем насильственного ниспровержения этой власти*», – согласился Бухарин. «*При помощи?»* – продолжил свои подсказки Вышинский. «*При помощи использования всех трудностей, которые встречаются на пути Советской власти, в частности при помощи использования войны, которая прогностически стояла в перспективе*», – ответил Бухарин. «*Которая стояла прогностически в перспективе при чьей помощи?»* – спросил прокурор. «*Со стороны иностранных государств*», – дал вполне ожидаемый ответ подсудимый. «*На условиях?»* – продолжил Вышинский, ожидая хорошо ему известного ответа. И такой ответ последовал: «*На условиях, если говорить конкретно, целого ряда уступок*». «*Вплоть до...*», – начал фразу Вышинский. «*Вплоть до территориальных уступок*», – продолжил Бухарин. «*То есть?»* – намекнул на более точный ответ Вышинский. Поняв, какого ответа от него ждут, Николай Иванович пояснил: «*Если ставить все точки над «и», – на условиях расчленения СССР*». «*Отторжения от СССР целых областей и республик?»* – снова задал вопрос с ответом Вышинский. Бухарин отреагировал коротко и правильно: «*Да*». Но Вышинскому нужны были подробности. «*Например?»* – спросил он. «*Украины, Приморья, Белоруссии*», – ответил Бухарин. «*В пользу?»* – продолжил эту пытку Вышинский. Николай Иванович хотел ответить уклончиво и начал говорить: «*В пользу соответствующих государств, которые географически и политически...*», но Андрей Януарьевич предложил назвать эти государства: «*Именно?»*» Бухарин вынужден был сказать: «*В пользу Германии, в пользу Японии, отчасти – Англии*»¹¹⁰.

Бухарин произносил заранее выученные фразы. Он вел себя на допросе перед судьями так, будто играл в театральном спектакле на сцене перед зрителями. Он, кажется, совсем забыл, что по окончании этого спектакля вместо аплодисментов прозвучат выстрелы...

¹¹⁰ Там же. С. 332.